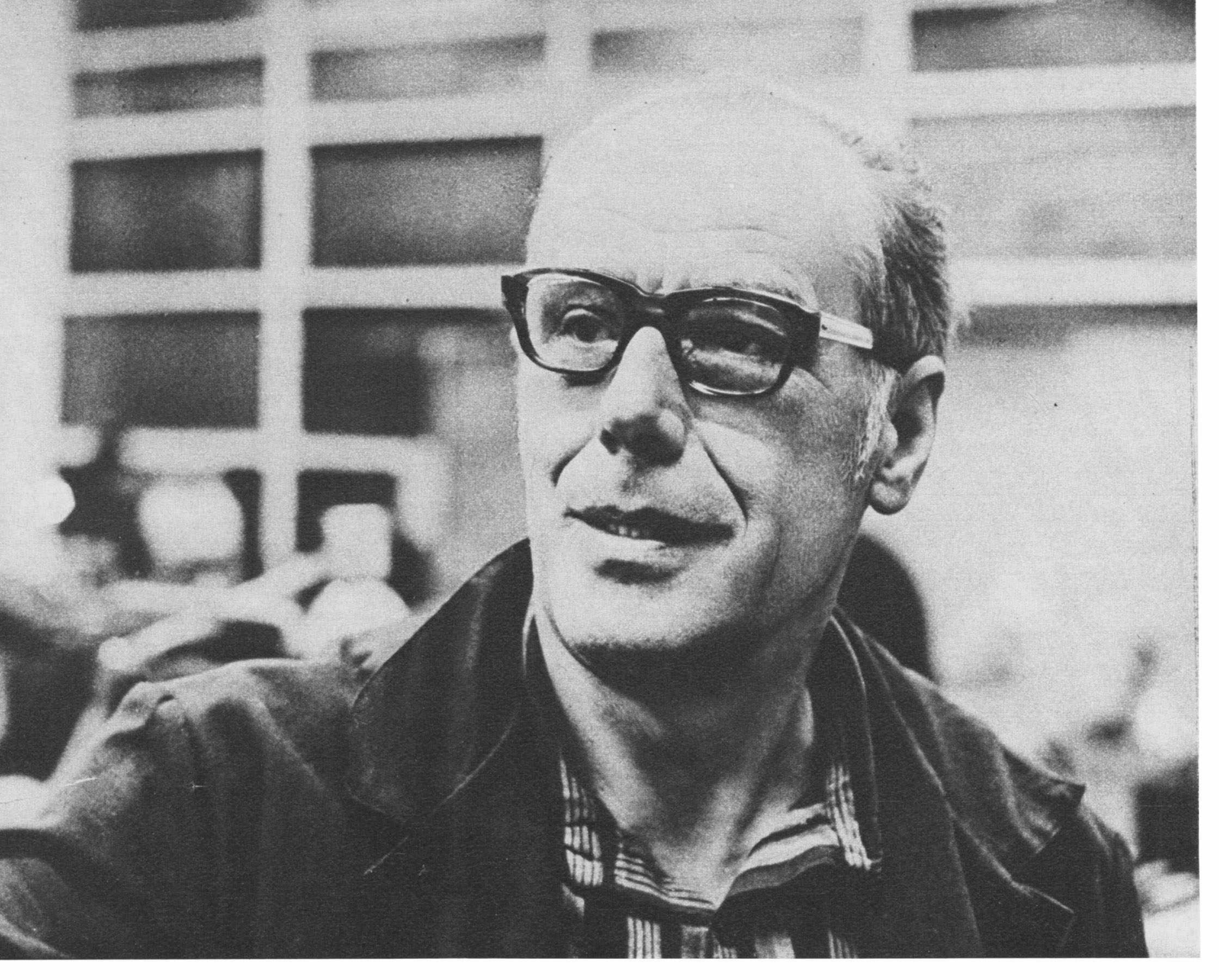
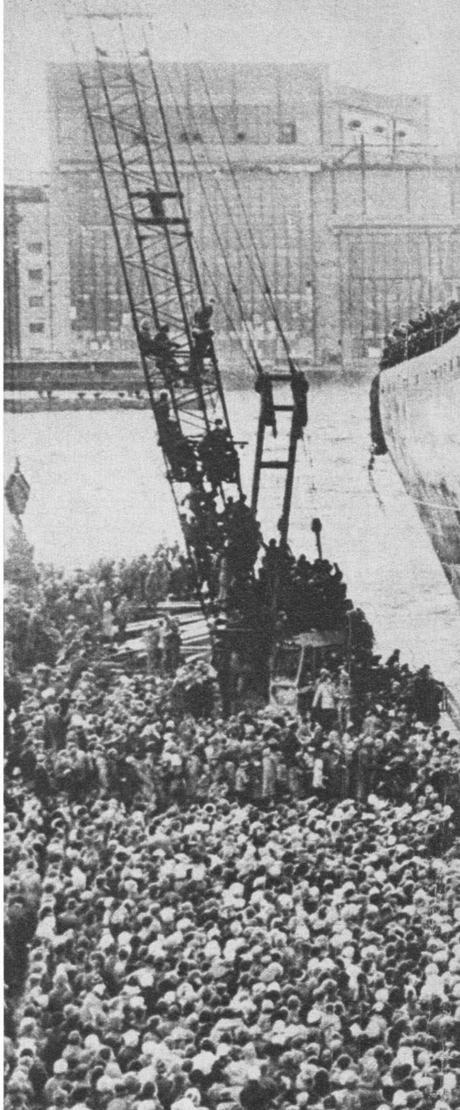

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 47 НОЯБРЬ 1983

Почти тридцать лет трудится в рижском производственном объединении «ВЭФ» имени В. И. Ленина Язеп Александрович Скершканс. Почетный вэфовец, член бюро парткома объединения, депутат городского Совета Я. А. Скершканс пользуется заслуженным авторитетом в коллективе.

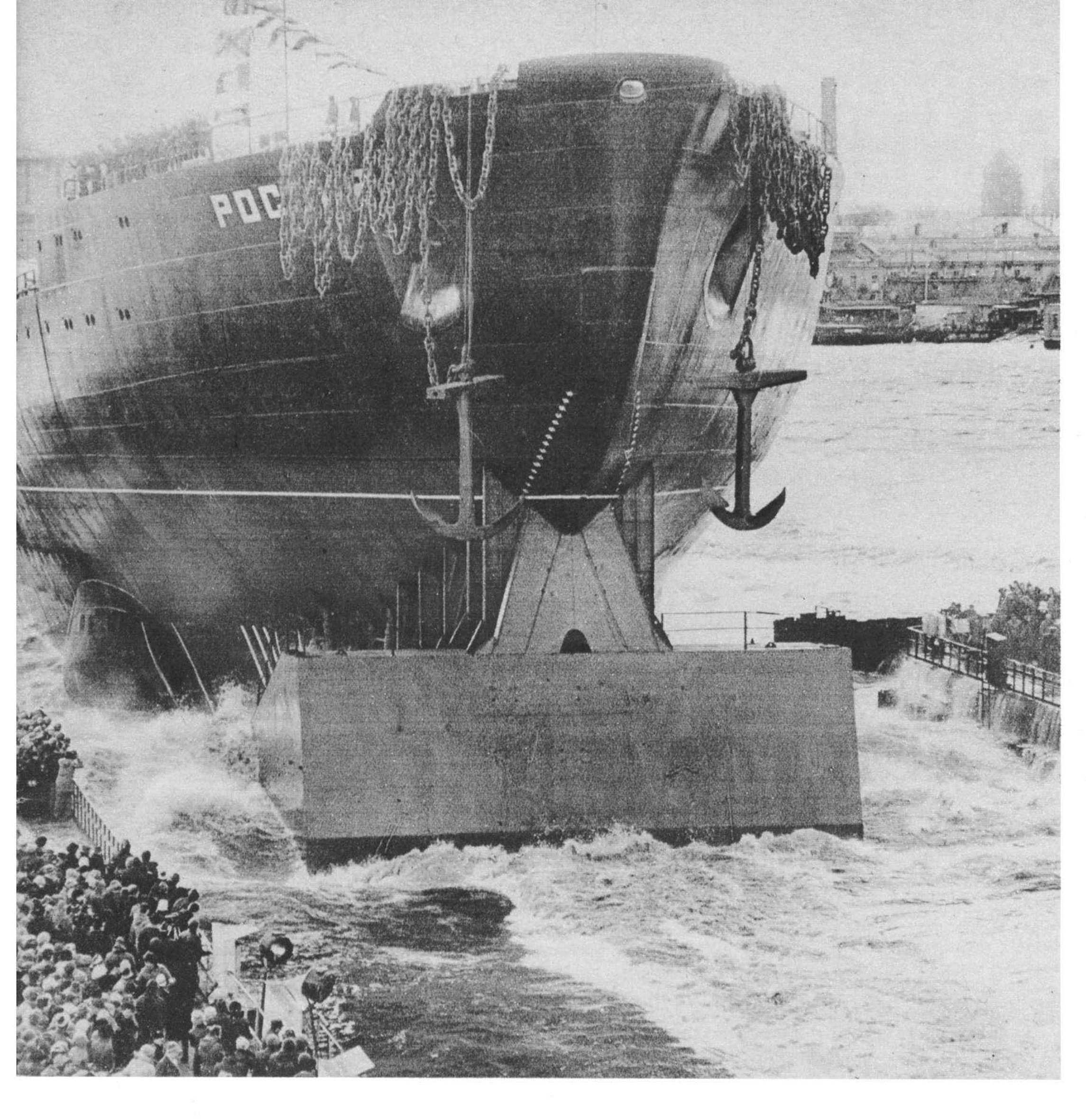
За выдающиеся достижения в труде, большой личный вклад в совершенствование техники и технологии производства Я. А. Скершкансу присуждена Государственная премия СССР 1983 года.

Фото М. Берсонса (ТАСС)

Этот снимок точно и исчерпывающе характеризует те методы, с помощью которых американская военщина осуществляет «защиту свободы и демократии» на Гренаде. Безжалостная расправа над защитниками острова и сторонниками его законного правительства — не что иное, как гангстеризм, возведенный в ранг государственной политики, пиратская акция, безоговорочно осуждаемая всеми народами мира.

Фото из журнала «Тайм»

Спущен на воду четвертый советский атомоход, «Россия». Корабелы Балтийского судостроительного завода имени Серго Орджоникидзе построили его почти на два месяца раньше срока. (Репортаж О. Петриченко об этом событии читайте на стр. 28—29.)

Фото Ю. Щенникова

ТАК ДЕРЖАТЬ, ДНЕПРОВЦЫ!

«Днепр» — чемпион страны 1983 года по футболу! Таков итог долгого, поистине марафонского сезона. Итак, сыграв 34 матча, футболисты «Днепра» сумели занять первую строчку турнирной таблицы, добившись 22 побед, сыграв пять матчей вничью и проиграв всего семь. Молодые чемпионы забили больше всех мячей — 63. Их старший тренер Владимир Емец, который до этого сезона никогда не был в числе футбольных магов, отлично подготовил свою команду, укрепив ее питомцами днепропетровской школы молодых футболистов, а один из его воспитанников, Олег Таран, в последнем матче со «Спартаком», в котором решалась судьба первого места, стал поистине героем, забив из четырех мячей три.

Фото А. Охмакевича

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 47 (2940)

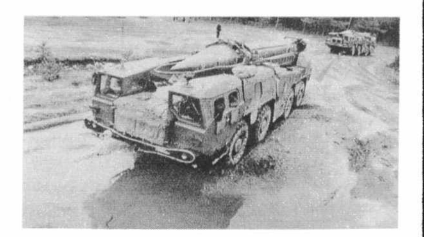
19 НОЯБРЯ 1983

В НОМЕРЕ:

О новом крупнейшем универмаге столицы

рассказывают корреспонденты «Огонька» К. Барыкин и И. Тункель в фоторепортаже «Магазин у трех вокзалов» — стр. 6—8.

19 ноября — День ракетных войск и артиллерии.

Фотоочерк «Надежный щит» см. на стр. 18, 19.

«Есть люди, жизнь которых невозможно отделить от биографии страны, ее трудностей, побед, свершений».

Статья Е. Итина «Главный металлург страны» посвящена столетию со дня рождения академика И. П. Бардина — стр. 12—14.

Новая поэма выдающегося египетского поэта А. аль-Хамиси «Гурзуф» — стр. 14, 15.

Дочь обвиняется в убийстве матери. Может ли быть преступление более страшное!

Судебный очерк Виктора Пронина «Учитывая тяжесть содеянного...» читайте на стр. 25—27.

Перед началом беседы. Фото А. Гостева

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

15 ноября Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов принял в Кремле федерального министра экономики ФРГ О. Ламбсдорфа, находившегося в Советском Союзе в связи с XII сессией комиссии СССР и ФРГ по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

В беседе были затронуты вопросы советско-западногерманских отношений, а также некоторые актуальные международные проблемы.

С РАБОЧИМ ВИЗИТОМ

По приглашению Советского правительства 10—11 ноября 1983 года в Москве находился с рабочим визитом член Руководства Партии арабского социалистического возрождения, заместитель Председателя Совета Министров, министр иностранных дел Сирийской Арабской Республики А. Х. Хаддам.

Между членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и А. Х. Хаддамом состоялись переговоры, в ходе которых основное внимание было уделено положению, сложившемуся в Ливане и на Ближнем Востоке в целом.

Во время переговоров. Фото А. Гостева

Игорь БЕЛЯЕВ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ЕЩЕ ОДНА ВОЙНА?

Всю прошлую неделю неистовствовали телетайпы мировых телеграфных агентств, передавая новости с Ближнего Востока. Все чаще в последние дни их стук уподоблялся то грохоту взрывов в Триполи, то пулеметным очередям в Тире. Ливан, Ливан, Ливан! Он, как кровоточащая рана, взывал о помощи. Вместо нее растерзанная войной страна получила еще одну страшную «свинцовую примочку». Сосредоточенная около ливанских берегов армада американских военных кораблей демонстративно готовилась к очередному раунду боев. Над Бейрутом день и ночь летали американские бомбардировщики. В горах Шуфа появился тайно высаженный десант американской морской пехоты, оснащенный электронным оборудованием для наведения самолетов на цель. Заговорили о «карательной операции» против Сирии!

Всего несколько слов о реальностях Ближнего Востока. В регионе уже идут две войны. Да, две войны одновременно! Первую, длящуюся почти полтора года, ведет в Ливане Израиль. Против ливанцев и палестинцев. Вторую войну — ее иногда называют «забытой» — ведут Иран и Ирак. Она продолжается вот уже более трех лет. Счет жертв с обеих сторон идет на сотни тысяч солдат и офицеров. Иран и Ирак израсходовали на ведение этой войны десятки миллиардов долларов. В отличие от Багдада в Тегеране говорят о «победоносном марше», хотя из него вот уже много месяцев ничего не получается. Ирак не раз выражал готовность начать мирные переговоры. Иран упорно продолжает военные действия, хотя его нынешние лидеры знают, что победа невозможна...

И вот теперь вдруг заговорили о третьей войне на Ближнем Востоке. О третьей! Одновременно! На этот раз против Сирии. Признаюсь, от полученной новости на душе тревожно. Помню, вторжение Израиля в Ливан тоже начиналось с громких разговоров о войне. Бегин и Шарон, занимавшие тогда посты премьер-министра и министра обороны Израиля, начальник генерального штаба израильской армии генерал Эйтан не скрывали, чего они намеревались добиться с помощью этой, еще одной войны против арабов. На этот раз против ливанцев и палестинцев. Помню, с каким недоверием отнеслись в мире к их откровенным заявлениям о том, что Израиль уже воюет с Ливаном. И что же? 6 июня 1982 года израильское вторжение началось. Неожиданно прервав свой визит в одну из стран Европы, Шарон вернулся в Израиль и скомандовал вторжение.

Еще одна немаловажная деталь. В мае 1982 года Шарон побывал в Вашингтоне. В итоге США с самого начала поддерживали Израиль. Дело не только в военных поставках, блокировании Совета Безопасности ООН, где американская делегация превратилась в форменное «израильское лобби». Она не дала принять ни одного решения, осуждающего новую агрессию Израиля и обязывающего его вывести сйтя войска из Ливана. Начался штурм Западного Бейрута. Затем, формально по просьбе ливанского правительства, в Бейруте появились американские морские пехотинцы. Якобы для обеспечения эвакуации палестинских бойцов из Западного Бейрута. Внезапно, не объясняя своих действий, американцы ушли.

14 сентября в Восточном Бейруте взлетел на воздух штаб фалангистов, в котором проводил совещание вновь избранный президент Ливана Бешир Жмайель, который рассорился со своими израильскими союзниками. Менее чем за две недели до взрыва он отказался подписать «мирный» договор с Израилем, на чем настаивали Бегин и Шарон. Вслед за этим израильские солдаты окружили лагеря палестинских беженцев. Утром 18 сентября мир узнал о жуткой бойне в Сабре и Шатиле. Американские морские пехотинцы вместе с итальянским и французским контингентами так называемых «многонациональных сил» возвратились в Бейрут.

17 мая 1983 года было подписано ливано-американо-израильское соглашение «о мире», типичное производное Кэмп-Дэвида, поставившее все с ног на голову. Вывод израильских солдат из Ливана, продолжавших там самую жестокую из всех израильско-арабских войн, теперь зависел, оказывается, от ухода оттуда сирийцев, находящихся на ливанской территории по мандату Лиги арабских государств...

Впервые разговоры о войне против Сирии я услышал в Израиле в мае этого года. Тогда их начал Бегин. К тому времени Шарона уже вытолкнули с поста министра обороны. Его преемник Аренс отдал приказ о призыве нескольких категорий резервистов. Встречая их на израильских дорогах, я спрашивал:

— Неужели Бегину мало «самой длинной» войны в Ливане? Неужели Сабра и Шатила не напомнили израильтянам ужасов Орадура, Лидице, Варшавского гетто?

Стоя на израильско-ливанской границе, через которую в Ливан устремились тяжело груженные военные грузовики израильской армии, я ловил себя на мысли, что война с Сирией все-таки проблематична. Знаете почему? Израильтяне (прежде всего их ВВС!) могли получить серьезный отпор. Вздор? Ничуть! Причем истинное положение вещей понимало все большее число израильтян. Военный обозреватель газеты «Гаарец» Зеев Шиф писал тогда, что советская помощь Сирии свела на нет опасность нового военного столкновения на Ближнем Востоке.

Один из моих израильских оппонентов в ответ на статью, опубликованную в «Литературной газете», писал, что я несколько неточно процитировал З. Шифа, не привел его аргументации. Я не сделал этого намеренно, полагая, что главное все-таки — вывод З. Шифа. Разве не так?

В сентябре 1983 года ушел в отставку Бегин, признав крах своей политики. Он не выдержал военного марафона. Речь идет не только о хаосе в экономике, приведшем к падению министра финансов Аридора. Война слишком дорого стоит. Вспомним о продолжающихся похоронах израильских солдат, гибнущих в Ливане. Слишком многие израильтяне — сотни тысяч штатских и военных — выступили против этой войны. Стало фактом антивоенное движение. В нем принимают участие израильские офицеры и солдаты. Убежден, что Бегин боялся столь устрашающего фактора...

И вот тогда израильские политики, пришедшие на смену Бегину и Шарону, отступили. Началась так называемая «передислокация» армии Израиля в Ливане. Она отошла на юг, предоставив поля ливанской войны США. Американские морские пехотинцы, до той поры заботившиеся лишь о своем присутствии в Ливане, вдруг ощутили всю сложность обстановки вокруг них. В то самое время, когда госсекретарь Шульц в июле разрабатывал запутанные формулы решения проблем Ливана, суть которых сводилась все к тому же утверждению военного присутствия США на Ближнем Востоке (ключ к решению всех проблем, как он полагал, в Бейруте и Дамаске!), сопротивление ливанцев как израильским солдатам, так и иностранной оккупации страны возрастало, что было неизбежным. Раздавшиеся в октябре два мощных взрыва, разнесших здания штабов американского и французского контингентов неподалеку от бейрутского международного аэропорта, стоили жизней 230 американцам и 58 французам. Спустя несколько дней третий взрыв — в Тире — уничтожил здание штаба оккупационного израильского корпуса.

На Западе заговорили об ответных действиях против тех, кто организовал взрывы. В связи с такой реакцией встает еще один уместный, как мне кажется, вопрос:

— А как быть с десятками тысяч ливанцев, не солдат, а безоружных мирных жителей, палестинцев, арабов, погибших в результате израильского вторжения? Ведь действия тех же «многонациональных сил» — разве это не террор, возведенный в ранг государственной политики? Ведь их присутствие в Ливане, как свидетельствует время, лишь усугубило положение в этой растерзанной стране. Неужели судьба Ливана никого на Западе не волнует? Как с невинными жертвами Сабры и Шатилы? Разве их не было?

Президент Рейган твердит об «ответных действиях», об «отмщении». Ну, а если перевести его слова на язык элементарной политики, он изыскивает повод для еще одной войны на Ближнем Востоке. Ему и там нужна Гренада, где американские морские пехотинцы могли бы безнаказанно «победить».

Объект «карательной операции» назван — Сирия. Операцию хотят совместно разработать США и Израиль в ходе ожидающегося визита в Вашингтон нового израильского премьер-министра Шамира и его министра обороны Аренса. Вспомните визит в США Шарона в мае 1982 года, и многое на Ближнем Востоке станет чуть яснее.

Рейгану рекомендуют так называемую «облегченную» форму войны против Сирии. Она будет вестись против угрозы американским военным кораблям в Средиземном море, в защиту тех же морских пехотинцев в Ливане. Пока на ливанской территории. В этом гвоздь «облегченной» формулы, хотя президент США должен понимать, что на войне как на войне...

Все происходящее вокруг Сирии сегодня привлекает пристальное внимание в Советском Союзе. Эта арабская страна расположена почти что рядом с нами. Следовательно, растущая напряженность на Ближнем Востоке затрагивает безопасность Советского Союза. И он самым серьезным образом предупредил тех, кто вынашивает планы расширения вооруженного вмешательства во внутренние дела Ливана и его народа.

Проходить мимо угроз в адрес Сирии невозможно. В результате прошедших в Москве переговоров советского и сирийского министров иностранных дел состоялся полезный обмен мнениями насчет опасности агрессии против сирийского народа. В результате с советской стороны выражена поддержка позиции Сирии, противостоящей империализму и сионизму на Ближнем Востоке и отвергающей шантаж и давление США и Израиля в свой адрес. Было заявлено также, что Советский Союз и впредь будет поддерживать борьбу сирийского, ливанского, палестинского и других арабских народов против агрессивных замыслов США и Израиля и их экспансионистской политики в регионе.

Есть о чем подумать. Как в Вашингтоне, так и в Тель-Авиве.

Участники антивоенной демонстрации на улицах Брюсселя. **Фото автора**

ЖАРКАЯ ОСЕНЬ В БРЮССЕЛЕ

Как и предсказывали, нынешняя осень оказалась в Бельгии жаркой. При этом подтвердились прогнозы не только синоптиков, но и местных политических обозревателей, еще летом предсказывавших приближение очередного «социального и политического антициклона». Недовольство политикой правоцентристского правительства, взявшего курс на выход из глубокого экономического кризиса путем наступления на интересы трудящихся, накапливалось долгие месяцы и в сентябре прорвалось наружу. Первыми выступили железнодорожники Шарлеруа — крупного промышленного, торгового и транспортного центра Валлонии. Забастовка сразу распространилась на многие районы страны. А вскоре движение поездов было остановлено на большей части территории Бельгии. В Шарлеруа и Брюсселе, Льеже и Монсе пикеты забастовщиков заняли вокзалы и депо. Стихийно вспыхнули демонстрации. В адрес правительства направлялись резкие требования.

Через несколько дней забастовка охватила уже сотни тысяч работников государственного сектора. Прекратили работу почта и телеграф. Бастовали служащие и рабочие муниципалитетов. На улицах городов скопились горы мусора. Встал городской транспорт. В знак солидарности с забастовщиками радио и телевидение ввели сокращенные программы передач. В эфире звучали в основном классические мелодии и краткие сводки о ширящихся выступлениях трудящихся. Начались стачки на многих промышленных предприятиях. С перебоями работали многие государственные учреждения. Замер второй по значению в Европе порт — Антверпен. Сотни неразгруженных судов скопились на его рейде, десятки морских транспортов со срочными грузами были направлены в другие порты. В Брюсселе и многих других городах прошли массовые демонстрации.

Газеты писали о «параличе, охватившем национальную экономику». Правительство предупреждало о «трагических последствиях», которые может принести стране продолжение забастовки. Но профсоюзы и левые партии оппозиции призвали продолжать борьбу, добиться от властей уступок, заставить их ослабить наступление на права и интересы трудящихся. В конце концов правительству путем частичных уступок и маневрирования, облегчаемого отсутствием единства в бельгийском рабочем движении, удалось добиться компромисса. В конце сентября после почти трех недель забастовок во многих отраслях экономики трудящиеся вернулись на рабочие места. Однако, как отмечают сейчас профсоюзы и оппозиционные партии, сентябрьское выступление трудящихся, в котором участвовали около миллиона человек (почти каждый десятый житель Бельгии!), не прошло даром. Оно наглядно показало существование в этой стране широкого недовольства правительственной политикой, решимость рабочих и служащих бороться за свои права и интересы. Оно стало крупнейшим выступлением бельгийских трудящихся против курса на дальнейшее «затягивание поясов».

Не успели еще в Брюсселе убрать весь накопившийся в пору забастовки мусор, не успели колеса вновь двинувшихся железнодорожных составов сбить с рельсов ржавчину, как по всей стране прокатилась еще одна волна выступлений общественности. На этот раз против намерения Вашингтона и НАТО разместить здесь сорок восемь крылатых ядерных ракет. Во многих городах и поселках состоялись митинги, собрания, демонстрации, дискуссии, кинопросмотры и выставки плакатов, посвященные одной теме — борьбе за мир, против ядерной угрозы.

В столице возле выставочного комплекса «Хизель», где в 1958 году проводилась Брюссельская всемирная выставка, прошла серия бурных антивоенных манифестаций. Поводом к ним послужила организация в одном из павильонов комплекса международной ярмарки «Электроника для национальной безопасности». На эту ярмарку, окрещенную миролюбивыми силами «ярмаркой смерти», съехались торговцы новейшим оружием из многих стран и их главные «клиенты» — посланцы антинародных диктаторских режимов из ряда стран Латинской Америки, Азии и Африки.

Широкие общественные слои Бельгии, депутаты парламента, левые партии выступили против проведения такой ярмарки. В парла-

менте страны и брюссельском муниципалитете раздались гневные призывы запретить слет торговцев оружием. Неподалеку от ярмарки был разбит международный лагерь протеста. Сотни демонстрантов встречали «посетителей», шедших на охраняемую усиленными нарядами полиции и жандармерии ярмарку, одними и теми же вопросами: «Какие орудия истребления вы хотите закупить?», «Сколько борцов за свободу хотите убить?» Участники манифестации в залитой красной краской одежде ложились на мостовую, пытаясь закрыть доступ на ярмарку, несли бессменную вахту.

Многочисленные массовые акции сторонников мира стали трамплином для проведения 23 октября в Брюсселе невиданной еще в Бельгии манифестации против ядерного оружия. Она была организована по инициативе более полутораста здешних общественных движений, партий и организаций. В ее подготовке, чего ранее не бывало, приняли активное участие профсоюзы. Вокруг ее лозунгов, призывающих к отказу от размещения в Западной Европе новых ракет и к ликвидации уже накопленных здесь ядерных арсеналов, объединились небывало широкие слои и группы населения страны — от коммунистов до католиков, от работников искусств до крестьян и ремесленников, от безработных до депутатов парламента.

Размах выступлений бельгийцев за мир превзошел все ожидания. 23 октября по улицам и площадям Брюсселя прошло около 400 тысяч демонстрантов. «Нет — новым ракетам!», «Мы требуем работы, а не вооружения!», «Защитим мир!» — под такими лозунгами сотни тысяч людей нескончаемыми, казалось, колоннами двинулись от трех главных вокзалов Брюсселя к огромной площади у международного торгового центра. Там состоялся митинг, затянувшийся до позднего вечера. Выступавшие представители профсоюзов, антивоенных движений, политических партий заявили о стремлении бельгийцев не допустить на свою землю американскую крылатую смерть, добиться сокращения ядерных вооружений в Европе вплоть до их полной ликвидации.

Вскоре после демонстрации, 8—9 ноября, в парламенте Бельгии прошла острая дискуссия по ракетной проблеме. Она продемонстрировала, что политике правительства, готовящегося «проявить солидарность» с другими натовскими партнерами в размещении ракет, противостоит широкое движение противников такого шага. Как показал недавний опрос общественного мнения, около 80 процентов населения страны выступает против новых американских ракет. Делегации оппозиционных партий внесли в парламент проект полного запрещения производства и базирования в Бельгии любого из видов оружия массового уничтожения. Кроме того, социалистами и коммунистами были выдвинуты предложения отложить на полгода или на год принятие Брюсселем окончательного решения о размещении ракет. Депутаты призывали отсрочить начало развертывания в Европе первых «Першингов-2» и крылатых «Томогавков», чтобы не допустить срыва переговоров в Женеве, дать больше времени для их успешного завершения. Однако правящая коалиция при содействии правых сил отвергла все эти предложения и вновь подтвердила свою готовность в случае неудачи женевских переговоров — а именно к этому толкает сейчас Вашингтон, уже начавший переброску в Европу компонентов своих новых ракет — поддержать ракетное довооружение НАТО.

Но тем не менее дебаты в парламенте не прошли бесследно. Они еще раз привлекли внимание бельгийцев к огромной опасности, нависшей над их страной и всей Европой. Как заявляют сейчас представители миролюбивых сил, борьба против новых ракет, против гонки ядерных вооружений будет продолжаться и нарастать.

Жаркая осень в Брюсселе предвещает дальнейшее обострение в этой стране как внутреннего социального противоборства, так и выступлений против военной угрозы, в пользу укрепления мира и безопасности в Европе.

Владислав ДРОБКОВ

Брюссель.

СОЗИДАТЕЛИ

Николай БЫКОВ

Мы привыкли и каждый раз ждем: в годовщину Октября обязательно будут названы новые лауреаты Государственных премий СССР. Вот и нынче 7 ноября в печати были опубликованы постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении Государственных премий СССР 1983 года в области науки и техники, за выдающиеся достижения в труде передовикам Всесоюзного социалистического соревнования, в области литературы, искусства и архитектуры. Что ни раздел — обширный участок прогресса, впечатляющая энергия, преобразующая настоящее в желанное будущее. Девяносто четыре премии венчают труд двухсот девяноста пяти человек — ученых, специалистов, мастеров своего дела, членов бригад и коллективов, смелое дерзание которых, душевная неуспокоенность, творческое горение помогли довести задуманное, начатое до логического конца.

Премируя лучших, Родина принимает во внимание не стаж, не тем более должность,— Государственную премию присуждают за победу творческую. Поощряются мысль, воплощенная в металл, научное открытие, технология, обеспечившая взлет производительности труда.

Оглашение списков лауреатов приурочено к октябрьским торжествам. И невольно думаешь о том, что сам акт социалистической революции был актом прежде всего творческим, выражением энергии масс, революционной мысли всесокрушающей, вулканической силы. С него началось созидание: мы наш, мы новый мир построим!..

Вот и новые лауреаты прежде всего созидатели. Их творческий потенциал проявился в самых разных, порой неожиданных областях народного хозяйства и искусства. Но кого ни возьми — за любой темой, названной Комитетами по Ленинским и Государственным премиям СССР, угадывается мощная работа мысли. И что ни работа — обязательно открытие. Открытие в машиностроении, в организации производства, в мире девяти муз! И особую гордость вызывает тот факт, что премии венчают такие достижения, которые укрепляют и наш авторитет на международном поле человеческой деятельности.

Большое наслаждение — вчитываться в имена лауреатов Государственных премий СССР 1983 года. За каждым именем наверняка судьба чрезвычайно непростая, личность богатая и деятельная, вооруженная творческой дерзостью, готовностью шагнуть в мир доселе неведомого. Так, наверное, так шли к своим открытиям коллективы, получившие высокую премию, например, за создание научных основ рационального извлечения запасов твердых полезных ископаемых и внедрение результатов в горную промышленность; за цикл работ «Мобильные гены животных» или по исследованиям хромосом человека в норме и патологии; за создание имитационной модели экосистемы Азовского моря и ее использование для системы анализа, прогнозирования и управления природно-техническим комплексом; за создание и промышленное внедрение высокоэффективного оборудования для гибкого автоматизированного производства сложных корпусных деталей и финишной обработки колец высокоточных приборных подшипников.

Обращает на себя внимание и такая формулировка: «За большой личный вклад...» Мера личного участия, личного труда, личной сопричастности к работе на всесоюзной площадке коммунистического строительства обретает все большее значение и поощрение. Когда сопрягаются личный интерес и интерес общественный, тогда очевиден выигрыш в экономике страны. Личная заинтересованность в процветании социалистической Родины подвигла на выдающиеся достижения бурового мастера из Нижневартовска А. С. Кузьмина, машиниста экскаватора разреза «Бородинский» Н. А. Мороза, автоматчицу-набивщицу коробок спичек фабрики «Белка» Р. М. Симонову, слесаря-механика по радиоаппаратуре из Риги Я. А. Скершканса, бригадира-хлопковода из Сурхандарьинской области Мамлакат Бегимкулову, главного агронома вологодского колхоза «Встреча» Е. И. Мизякову и многих других рабочих и работниц, инженеров, технологов, мастеров всех отраслей, всех профессий, коими насыщено сложное народное хозяйство социалистической державы. Недра и космос объемлет это наше многоотраслевое, многозаботное хозяйство, приводимое в порядок движением миллионов творчески мыслящих работников.

И тот, кто остается один на один с письменным столом, холстом, нотной бумагой, тоже работает в единой энергосистеме социалистической цивилизации. Речь о мастерах слова и кисти, резца и смычка. Речь о работниках литературы, искусства, архитектуры. Среди лауреатов в этой области созидания много имен хорошо знакомых. Читатели «Огонька» из первых рук получали горячее, вызывающее радость и боль раздумий живое слово Чингиза Айтматова, Юрия Бондарева, Ивана Стаднюка, Александра Чаковского, Владимира Соколова...

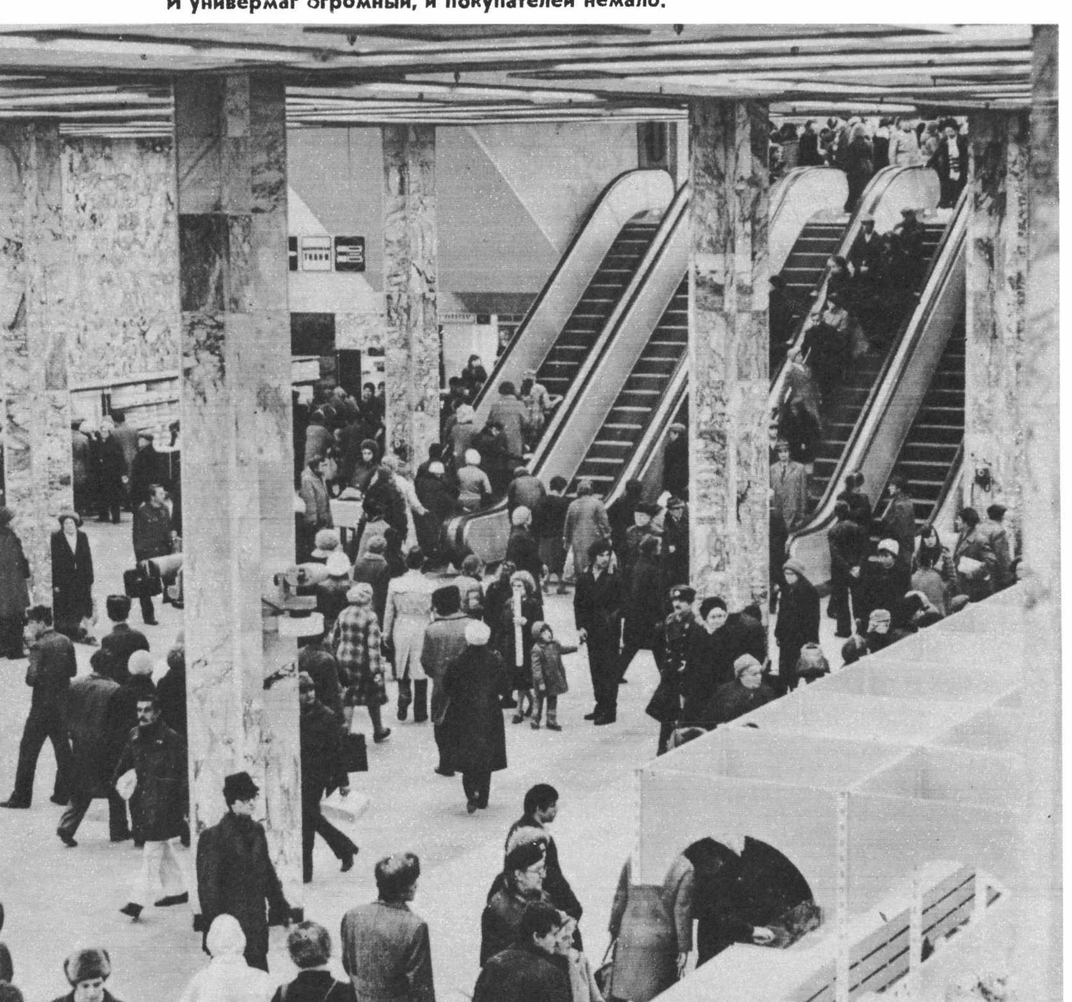
Смысл нашей сегодняшней радости не в перечислении, не в поименовании всех, кто на пьедестале трудовой славы-83, но в благодарном чувстве лучшим из лучших. И физики и лирики — все они работают на мир и коммунизм. И слава тем, кто сегодня впереди. А впереди, как всегда, труднее. Быть впереди — значит думать и работать думая, значит олицетворять единство мысли и действия, быть личностью в цехе, поле, лаборатории, на сцене. Быть личностью и быть щедрым на личный вклад в дело всенародное, государственное. Не на день такая работа души и сердца, рук и головы! Не сезонная это работа — на годы и годы. Одним открытиям отдано семь — десять лет, другим — десятилетия. Но все эти годы человек творящий, коллектив единомышленников, союз ученых и практиков жили целеустремленно и с видимой отдачей, овеществленной в ученых трудах, рекомендациях, новинках техники. Не будь одаренности и преданности идее, обязательных для творческой личности в любой ипостаси, не было бы подвига Г. К. Вагнера, шагнувшего однажды из лаборантов в доктора искусствоведения, восстановившего по наитию гениальные скульптуры Владимиро-Суздальской Руси. И не было бы новизны на мировом уровне, достигнутой авторами принципиально новых индикаторных устройств, работающих на жидких кристаллах, как не было бы и миллионов дополнительных тонн угля, и страниц талантливых романов, стихов.

Пример лауреатов, как это и всегда было, вдохновляет и обязывает. Их опыт, знания — достояние общее.

Огни «Московского»...

МАГАЗИН У ТРЕХ ВО

И универмаг огромный, и покупателей немало.

Для женщин...

...И для мужчин.

нужны товары разные и хорошие

По инициативе шести предприятий, призвавших развернуть соревнование за увеличение выпуска высококачественных товаров массового спроса в стране, наращивается их производство.

В этих условиях особую важность приобретает повышение требований работников торговли к качеству товаров народного потребления, улучшение торговли ими.

Эта задача стоит и перед большим коллективом нового универмага «Московский», о котором рассказывается в публикуемом фоторепортаже.

К. БАРЫКИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ

СУПЕРУНИВЕРМАГ НА КОМСОМОЛЬСКОЙ ПЛОЩАДИ ● ВСЕГДА ЛИ ПРАВЫ ПСИХОЛОГИ? ● КРАСНА ИЗБА И УГЛАМИ! ● 200 000 ПОКУПОК ЗА ДЕНЬ? ● ТОРГОВАЯ «ЗАСТАВА» СТОЛИЦЫ

Не сегодня подмечено: большинство — девять из десяти — покупателей торговый зал предпочитают обходить, двигаясь по часовой стрелке. Но тут, в «Московском» универмаге, это правило подвергнется, видимо, некоторым коррективам. В просторных залах магазина так ловко разместились товарные отделы и «островки», что надобность «стройного», в одну сторону, движения отпадает сама собой. И потому меньше будет толчеи, неразберихи, которые ныне заметны во многих торговых предприятиях.

Закон организации торговли: четкий порядок. Особо он необходим в таком огромном магазине. Посудите сами, покупательские потоки вливаются в универмаг отовсюду: прямо — из метро, прямо — с вокзальной платформы, прямо — с городской магистрали. Принцип: минимум передвижений, все должно быть обозримо, как говорится, под рукой.

Долго строился универмаг, и за это время многое ушло вперед по сравнению с первоначальным проектом. И все же представляется, что сегодня самое современное торговое здание столицы — универмаг «Московский». Именно столицы, потому что за последние годы в разных городах страны появились отличные торговые

КЗАЛОВ

К будущему сезону.

А мне идет!

предприятия — универмаг в Каунасе, «Детский мир» в Виннице... Об этом я напоминаю не столько в назидание «Московскому», а тем более не в укор ему, а с тем, чтобы отметить: адреса торгового опыта сейчас не только в Москве и Ленинграде, как было прежде.

Хоть и говорят «не красна изба углами», но в новом универмаге многое привлекательно: выразительный фасад здания, отделка торговых залов, убранство кафетерия, реклама. Универмаг рассчитан на ежедневное обслуживание двухсот тысяч покупателей. Общая его площадь — 56 тысяч квадратных метров. Поищем сравнение попривычнее. Скажем, все многоэтажье универмага «Москва» — это 22 тысячи, а торговые залы — семь тысяч квадратных метров. «Московский», если брать на круг, поменьше ГУМа, но, безусловно, удобнее его. К месту заметить, что ГУМ ныне не может служить эталоном организации торгового процесса. Но ГУМ — это ветеран, ему многое можно простить. А вот руководители нового универмага с первого же дня, с первого же часа торговли должны показать пример подлинно современного понимания дела.

Что я имею в виду? Пока скажу об одной стороне дела — о товарах. Можно с полной уверенностью сказать: сейчас наступает новая пора в их производстве, в отраслях, связанных с выпуском товаров народного потребления. Мы долго и робко шли к тому, чтобы решительно отказаться от понятия «ширпотреб» и прийти к пониманию роли и значения хорошего, добротного товара для народа. В мире товаров нет мелочей, и хотелось бы, чтобы в «Московском» универмаге усвоили это с первых же дней его деятельности.

Новый универмаг расположен возле трех вокзалов. И надо полагать, что основными покупателями тут станут гости столицы, приезжие. Это на всех москвичей и прежде всего на работников нового универмага налагает особую ответственность. Это обязывает работников магазина быть более расторопными, стучаться в двери промышленных министерств, требовать от предприятий: давайте товару больше и качеством — лучше! Только отменных достоинств!

Уже сейчас пора магазину принять и выработать свою меру высоких требований к качеству товаров и к уровню обслуживания. Чтобы знали: в «Московском» все — фирменное. Изделия лучших столичных предприятий, сервис на уровне этих же товаров. Может, время от времени отдавать какие-то прилавки магазина продукции одного объединения или фабрики? Скажем, сегодня здесь можно купить новинки только прославленной «Зари». Через неделю — все, что выпускает швейное объединение «Москва». Затем настанет черед часов 2-го московского часового завода. Все это, конечно, не в ущерб иному товару, не в урон покупателю, а лишь для того, чтобы выявить круг лучших московских изделий, чтобы не только комиссии участвовали в их оценке, но и покупатели!

За прошедшие годы пятилетки московская промышленность сверх плана произвела товаров народного потребления на 450 миллионов рублей. Вот и пусть на какие-то миллионы рублей столица станет выпускать товары по прямому заказу универмага «Московский». А почему на его прилавках не могут появиться этакие «туфли-84», «пальто-84», товар-лауреат? И добиваться, чтобы делали их больше и еще лучше, чтобы вещь, не пользующаяся покупательским доверием, даже не считалась бы товаром — что же это за товар, если его не покупают?

Московская торговля находится сейчас на таком уровне, что ей по силам самые сложные задачи. Многое может оказаться по плечу и новому универмагу еще и потому, что он собирает лучших работников торговой службы города. Практически все универмаги города помогали (и помогают!) ему кадрами. Грешно же не использовать тех, кто прошел великолепную школу ЦУМа, кто пришел сюда по путевке другого прославленного столичного магазина.

...Выхожу на залитую светом вечернюю Комсомольскую площадь. И возле входа в одно из служебных помещений универмага вижу приглашение: нужны специалисты по системам кондиционирования воздуха, знатоки высоковольтного оборудования, киповцы, инженеры-электрики, продавцы промышленных и продовольственных товаров (есть тут и гастроном), кассиры, фасовщики, лифтеры, экспедиторы. Не магазин, а город. Так оно и есть — торговый город у трех вокзалов, на очень бойком месте.

Домой — с покупками.

СУДЬБА

Незадолго до окончания войны, в конце марта 1945 года, в газовой камере концлагеря Равенсбрюк погибла русская женщина Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, мать Мария, участница французского движения Сопротивления, создавшая в Париже крупный центр антифашистской борьбы. По некоторым сведениям, она добровольно пошла на гибель, «заменив собой» одну из узниц.

Е. Ю. Кузьмина-Караваева — поэт, мало известный советскому читателю. Первая книга ее стихов, «Скифские черепки», вышла в дореволюционной России в издании знаменитого «Цеха поэтов».

Судьба этой женщины характерна для незаурядных людей, вышедших из среды прогрессивно настроенной русской интеллигенции рубежа XIX—XX веков. Жажда борьбы за народное благо, неудовлетворенность существовавшим порядком, стремление бесстрашно, не задумываясь, отдать себя для спасения народа — все это руководило внутренней жизнью Кузьминой-Караваевой.

В 1983 году в издательстве «Современник» вышел роман Елены Микулиной «Мать Мария». Широко используя документальные материалы, писательница создала произведение, написанное увлекательно и тактично, в котором литературные домыслы не нарушили правдивости и достоверности событий.

Скупыми изобразительными средствами, точно и конкретно автор характеризует среду, сформировавшую характер Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, до конца жизни верившей в победу добра на земле.

Интересно, что юной Лизе Пиленко (девичья фамилия Кузьминой-Караваевой) посвятил замечательное стихотворение Александр Блок, сыгравший большую роль в ее судьбе. К сожалению, автор не упомянул в романе, что в 1936 году она опубликовала в Париже мемуары о Блоке, в которых рассказала о том, как впервые его увидела, услышала на литературном вечере.

Воспоминания о жизни и деятельности Е. Ю. Кузьминой-Караваевой появлялись в советской печати и до выхода рецензируемой книги. О ней писал историк Лев Дмитриевич Любимов, многие годы находившийся в эмиграции, А. Тверитинова, В. Сухомлин, Е. Богат. В первой книге «Люди, годы, жизнь» И. Г. Эренбург вспоминает: «Часто бывала у него (А. Н. Толстого) петербургская поэтесса Лиза Кузьмина-Караваева; она говорила о справедливости, о человеколюбии, о боге. Дальнейшая ее судьба необычна. Уехав в Париж, она родила дочку, а потом постриглась; в монашестве приняла имя Марии. Дочка подросла и стала коммунисткой. Когда Толстой приехал в Париж, девушка попросила его помочь ей уехать в Советский Союз».

В начале 60-х годов Кузьминой-Караваевой был посвящен один из последних «Никитинских субботников» — вечеров памяти выдающихся людей и событий русской, советской культуры. После второй мировой войны в Париже состоялся вечер, посвященный этой замечательной женщине.

На экранах нашей страны с успехом прошел фильм о матери Марии. Однако, несмотря на многочисленные публикации биографического характера, несомненная заслуга Е. Микулиной состоит в том, что она сумела живо и достоверно воссоздать яркую и трагическую судьбу Елизаветы Кузьминой-Караваевой.

В. ПОТРЕСОВ

Елена Микулина. Мать Мария. Современник. М., 1983, 288 стр.

Никола Ланкре. 1690—1743. ТАНЦЫ В ДВОРЦОВОМ ПАРКЕ.

Дрезденская картинная галерея.

Розальба Каррьера. 1675—1757. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

Дрезденская картинная галерея.

НАЗНАЧЕНИЕ В ЖЕНЕВУ

Сергей БАТУРИН

РАССКАЗ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Валентин Андреевич покинул кабинет шефа несколько ошарашенный. Конечно, его самолюбию польстило предложение занять пост директора отдела. Но он прежде всего был человеком дела, отдавался ему полностью, и в этом смысле ничего, кроме дела, для него просто не существовало. Все его помыслы были сосредоточены на работе здесь, в своем секторе. И если когда и думал он о возможности повышения, то самым естественным считал для себя назначение заведующим сектором. Сингх, безусловно, заслуживал повышения, и тогда его пост мог бы по праву занять Валентин Андреевич. К этому он был готов, и такое назначение, по его мнению, не могло вызвать никаких кривотолков. Что же касается поста в Женеве, то на него было немало серьезных претендентов. Шансы их на все лады обсуждались сотрудниками департамента и в кабинетах, и в баре, и в кафе. Кандидатура Валентина Андреевича тоже называлась в этой связи. Никто не оспаривал, что он вполне достоин этого назначения, и тем не менее никто не считал, что в конечном итоге выбор падет на него. Все сходились на том, что больше всего шансов у австралийца Кларка. Сам Кларк в таких случаях загадочно помалкивал, потягивая из кружки свое любимое голландское пиво «Хайнекен». Обычно Кларк молчаливостью не отличался, и такое необычное его поведение служило лишь еще одним доказательством в его пользу. Все считали, что шеф уже предложил этот пост Кларку, поэтому-то он и помалкивает, ожидая окончательного решения и не желая спугнуть удачу.

Проходя через приемную, Валентин Андреевич увидел сквозь открытую дверь кабинета Константина Ивановича, что тот сидит за своим столом, погруженный в какие-то бумаги.

— Костя, к тебе можно? — спросил с порога Валентин Андреевич.— Анжелы нет на своем месте, поэтому я не смог просить аудиенции по всей форме,— закончил он шуткой.

— Заходи, садись.— Константин Иванович оторвался от бумаг и снял очки.— Читаю второй вариант выступления шефа в комитете, лучше первого, но есть еще над чем поработать. А как у тебя дела?

— Дела идут нормально, заканчиваю последний раздел доклада. Получается неплохо, думаю, не ошибусь, если заранее предскажу, что господа директора и шеф останутся довольны.

— Посмотрим, посмотрим,— улыбнулся Константин Иванович.— Как говорится, дай бог нашему теленку волка съесть.

— А что? И съедим, ты даже не представляешь, какого огромного волка мы проглотим. Шеф предложил мне женевский вариант. Ты не возражаешь, если я закурю? — Валентин Андреевич в упор взглянул на Константина Ивановича.

— Кури, пожалуйста.— Константин Иванович поднялся со своего вертящегося кресла, взял с журнального столика пепельницу и поставил ее перед Валентином Андреевичем.— Значит, говоришь, шеф предложил тебе женевский вариант. Ну, а ты что ж?

— Нужна мне эта Женева, как рыбке зонтик,— твердо ответил Валентин Андреевич, достал из кармана пиджака пачку сигарет и стал закуривать.

— Пожалуй, такого заявления в отношении Женевы я давным-давно не слышал,— нарушил молчание Константин Иванович.— Чем же это тебе Женева так не угодила?

— Дело не в самой Женеве, а в работе. Там у нас не отдел, а какое-то застойное болото. Людей полно, а за год ни одного приличного доклада не подготовили. Бывал я там неоднократно, знаю, что это за прелестное местечко.— Валентин Андреевич говорил убежденно.— Да там от одной тоски сдохнуть можно.

— А я вот пять лет там прожил — и ничего, до сих пор скриплю,— улыбнулся Константин Иванович.— Что же касается работы отдела, то многое зависит от начальника. Думаю, что предложение шефа продиктовано именно этим. Он явно рассчитывает, что ты сможешь навести порядок в отделе. Народ ведь там неплохой, я лично многих знаю. Несколько лет тому назад их доклады производили весьма серьезное впечатление.

— С тех пор много воды утекло, и многое переменилось, но, конечно, и там есть сильные специалисты. В общем, Женева меня что-то не привлекает.

— Но ведь это серьезное повышение, будет где показать свои силы и умение. Ты не подумай, что я тебя уговариваю. Вопрос серьезный, и решать ты его должен сам, только, пожалуйста, не торопись. Шеф тебе дал время на размышления?

— Два дня.

— Вот и думай, с женой посоветуйся, взвесь все «за» и «против».

— Понимаешь, Костя, очень трудно все это сразу переварить. Честно говоря, такого варианта у меня и в мыслях не было. На месте Сингха я себя вижу, даже на твоем месте через несколько лет, думаю, смог бы работать. А вот женевский вариант почему-то в голову не приходил. А что ты думаешь по этому поводу, как бы ты поступил на моем месте?

— Трудный вопрос.— Константин Иванович поднялся с кресла и медленно прошелся по кабинету.— Думаю, что я бы согласился,— наконец произнес он, остановившись перед Валентином Андреевичем.

— Не иначе, как это в тебе говорит твое женевское прошлое,— сразу же отпарировал Валентин Андреевич.— Ты знаешь, что я заметил? Человека всегда тянет туда, где он жил и работал раньше, даже если ему там пришлось хлебнуть добрый фунт лиха.

— Пожалуй, ты в чем-то прав, но дело не только в этом, — размышлял вслух Константин Иванович.— Для меня в этом случае главное заключалось бы в том, что мои скромные труды получали недвусмысленное международное признание. Да ты не смейся, не смейся! Тебя ведь сейчас повышает не МИД, а руководство ООН, конкретно: прежде всего наш шеф — марокканец, затем — глава Бюро персонала, англичанин, затем зам. генерального секретаря по администрации и управлению — голландец, и, наконец, сам генеральный секретарь. А ты ведь хорошо знаешь, что такие повышения обсуждаются ими со всех точек зрения, тут играют роль не только деловые качества, но и политические соображения, и сугубо административные, и даже, если хочешь, моральные.

— Это какие еще моральные? — Валентин Андреевич явно внутренне улыбался, хотя и пытался сохранить серьезный тон.— Все ведь прекрасно знают, что мы здесь чужими женами не увлекаемся.

— Не о том я говорю, я имею в виду моральное право твое на повышение, с точки зрения твоих коллег. Как они отнесутся к такому решению, вот о чем приходится думать руководству.

— По-моему, в данном конкретном случае возражений не должно быть.— Голос Валентина Андреевича звучал уверенно.— Или у тебя есть сомнения на этот счет?

— Сомнений у меня нет, я только не совсем уверен, что предложение шефа будет с горячим восторгом встречено, как это говорится, другими заинтересованными лицами.

— А на каком основании они могут возражать? Пост этот вакантный уже целый год, и до сих пор никого на него не назначили. Я тоже не прошусь туда, мне шеф сам предложил.

— Все правильно, дорогой Валентин Андреевич. Но претенденты на пост имеются, и уж они-то посчитают себя незаслуженно обойденными. Кроме того, не забывай, что комитет только что решил расширить функции женевского отдела, им добавляют три поста уровня старших специалистов. Короче говоря, место это весьма завидное, многие на него смотрят с вожделением.

— Задал мне шеф задачу со множеством неизвестных,— невесело улыбнулся Валентин Андреевич,— да еще и срок установил для ее решения. Теперь как хочешь, так и решай, а кроме тебя, и посоветоваться толком не с кем. Пожалуй, схожу я к Ивану Ивановичу, он человек мудрый, ко мне относится хорошо, послушаю еще, что он скажет.

— Правильно, поговори с ним,— согласился Константин Иванович. Он знал, что Валентин Андреевич когда-то начинал свою службу в МИДе под началом Ивана Ивановича и с тех пор питал к нему глубокое уважение. Сейчас Иван Иванович был заместителем генерального секретаря ООН, своих старых сослуживцев он не забывал и всегда был готов прийти им на помощь и словом и делом. Конечно, беседа с Иваном Ивановичем поможет Валентину принять правильное решение.

Поговорив еще несколько минут о новостях из Москвы, о видах на урожай дома, об общих знакомых, Валентин Андреевич ушел обедать, а Константин Иванович снова углубился в чтение проекта выступления — он обычно

Продолжение. См. «Огонек» № 46.

обедал позже и поэтому предпочел сначала закончить дело, а уж потом идти в кафетерий.

4

Прошло несколько недель. После долгих сомнений Валентин Андреевич согласился-таки на перевод в Женеву. Вопреки опасениям Константина Ивановича, утверждение назначения Валентина Андреевича на всех уровнях прошло без сучка и задоринки, как-то совершенно по-будничному. Валентин Андреевич отправил уже в Женеву свой багаж и через две недели собирался и сам улететь к новому месту службы. В департаменте его новое назначение было встречено с большим интересом, но без всяких видимых возражений. Кларк теперь во всеуслышание утверждал, что ему давно было известно о том, что в Женеву поедет именно Семенов, поэтому, мол, он и отмалчивался, когда все прочили на это место его. А тут произошло новое событие, которое заставило всех забыть о Семенове: Салате неожиданно подал в отставку по семейным обстоятельствам, и на его место сразу же назначили Сингха. Теперь в департаменте на все лады обсуждали, кто получит пост Сингха. Претендентов снова было хоть отбавляй, и обсуждение их шансов за стойкой бара иногда затягивалось на несколько часов.

Константин Иванович радовался тому, что назначение Семенова прошло так гладко, и в то же время в глубине души грустил, что из департамента уходит хороший товарищ, которого он знает много лет и с которым всегда можно было и посоветоваться, а то и просто поболтать о житье-бытье. Работа за границей больше всего угнетала Константина Ивановича тем, что она вырывала его из тесного круга добрых московских друзей, и поэтому он особенно ценил товарищеские отношения, начавшие в последнее время налаживаться с Валентином Андреевичем. Теперь же и эти узы дружбы разрывались. Константин Иванович сходился с новыми людьми тяжело, близких друзей у него было не так уж много, а в Нью-Йорке вообще никого. Долго раздумывать над этим ему не приходилось, так как работа поглощала все время, а ведь хотелось еще поиграть с сыном, спокойно поговорить с женой, прочитать новую книгу, просто полистать последние толстые московские журналы. Вдобавок ко всему Константин Иванович старался аккуратно следить за всей советской и американской литературой по своей тематике, делал вырезки из газет и журналов, выписывал заинтересовавшие его места из книг. Одним словом, времени у Константина Ивановича было в обрез, он дорожил буквально каждой минутой и на работе и дома.

С утра было назначено важное совещание, на котором Константину Ивановичу предстояло выступить с докладом. Он решил прийти на работу на полчаса пораньше, чтобы еще раз просмотреть все материалы, а также успеть прочесть последние телеграммы — вдруг что-нибудь надо будет учесть в докладе. Но не успел он сесть за стол, как в кабинет вошел Валентин Андреевич.

— Ты газету сегодня читал? — еще с порога спросил Валентин Андреевич.

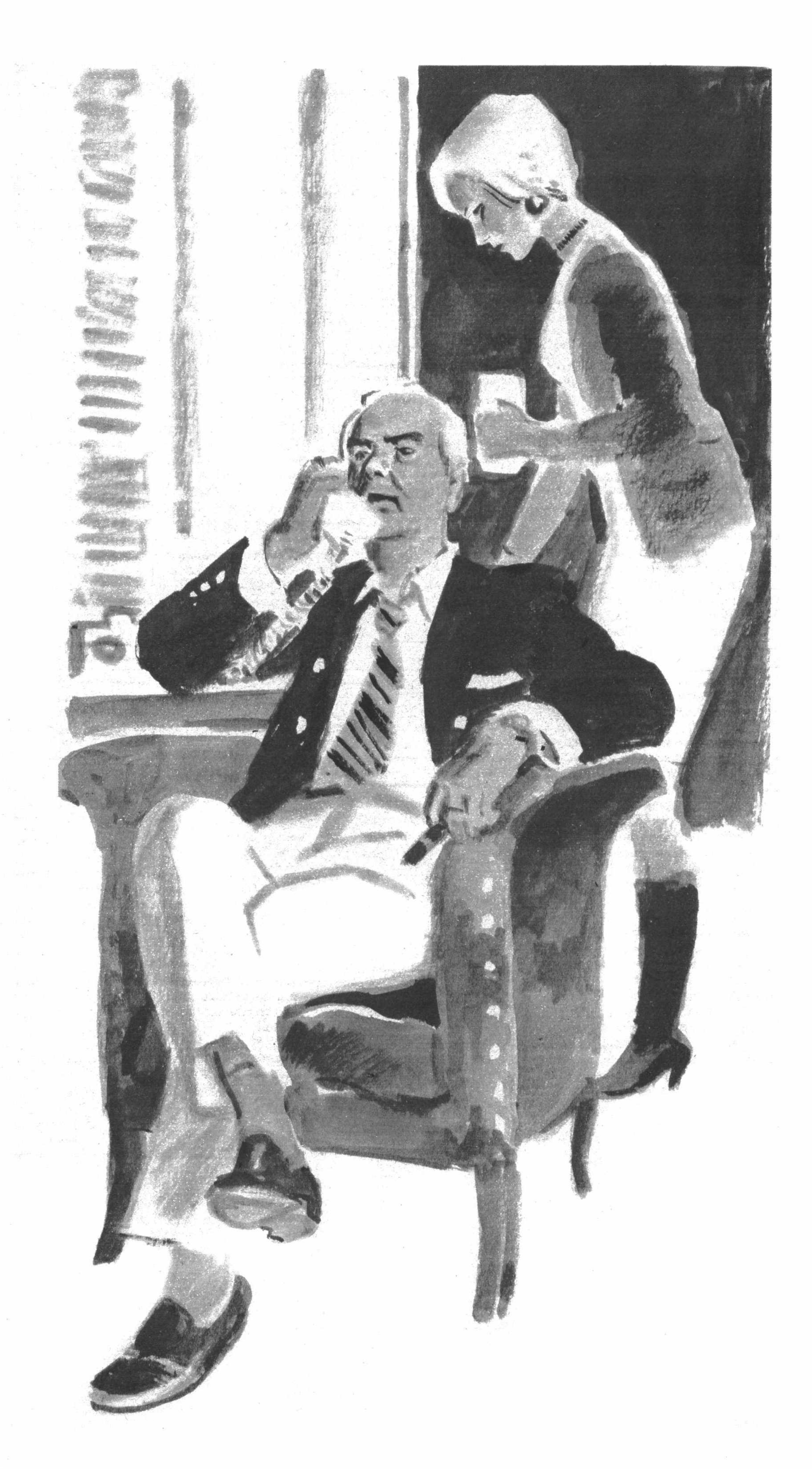
— «Нью-Йорк таймс»? Нет, не успел еще, готовлюсь к докладу.

— Все равно прочти заметку на седьмой странице.— И Валентин Андреевич раскрыл перед ним газету.

Все мысли Константина Ивановича были поглощены предстоящим докладом, и он с явным неудовольствием и неохотой оторвался от работы. Его лицо сразу же стало напряженным и жестким. Валентин Андреевич по собственному опыту хорошо знал, что в такие минуты лучше всего ждать, пока Константин Иванович заговорит первым.

Константин Иванович внимательно прочел заметку, поднял голову от газеты и посмотрел на Валентина Андреевича.

— Я ухожу на совещание, мне ведь с докла-

дом выступать, а ты дождись шефа и сам покажи ему газету.— Голос Константина Ивановича звучал буднично ровно, хотя Валентин Андреевич мог поклясться, что глаза его в этот момент буквально метали молнии. Валентин Андреевич попросил Аниту сказать ему, как только появится шеф, возвратился в свой кабинет и снова стал медленно перечитывать заметку.

Разверстанный на три колонки заголовок сразу же обращал на себя внимание: «Советские разведчики в Секретариате ООН». Под ним было помещено коротенькое сообщение из Женевы о том, что, по сведениям эмигрировавших на Запад советских диссидентов, аппарат ООН наводнен советскими разведчиками. Один из них, В. А. Семенов, получил назначение с повышением в Женеву, а другой, К. И. Колодкин, фактически руководит работой важного департамента в Нью-Йорке через голову своего непосредственного начальника-араба.

Чем больше вчитывался в содержание заметки Валентин Андреевич, тем больше он недоумевал: «Кому и зачем нужен этот бред? На кой черт понадобилось такой претендующей на солидность газете, как «Нью-Йорк таймс», печатать эту галиматью? Как отнесется к этому сообщению шеф?»

5

В Государственном департаменте США все вопросы, связанные с Секретариатом ООН, рассматривались и решались в Отделе международных организаций. Заведующий отделом Роберт Томпсон несколько лет проработал на посту заместителя генерального секретаря ООН по специальным политическим вопросам и хорошо знал не только проблемы, стоящие перед этой международной организацией, но и закулисные стороны ее деятельности. Вернувшись на работу в Госдепартамент, он ввел в своем отделе ряд новшеств, в частности, по его требованию миссия США при ООН ежемесячно сообщала в отдел обо всех кадровых передвижениях в аппарате ООН. Боб — так кратко называли Томпсона все сослуживцы — обычно сам с большим интересом изучал этот список и довольно часто поручал сотрудникам нью-йоркской миссии переговорить с генеральным секретарем ООН по поводу того или иного нового назначения.

Вот и теперь, вернувшись из отпуска и разделавшись со всеми неотложными делами, Боб занялся изучением перемещений и назначений, происшедших в Секретариате ООН. Наткнувшись на сообщение о назначении Семенова в Женеву, он сначала не поверил своим глазам. «Не может этого быть! — Но точные слова сообщения миссии не давали никаких поводов для сомнений.— Как же так? Я на заседании в Женеве сам требовал расширения функций этого отдела, сумел выбить для него три дополнительных поста, а теперь все это будет в руках русских? Куда же там смотрит Маккой, что у него, совсем головы нет? Нет, это дело так оставлять нельзя, ни при каких условиях этот пост не должен достаться русским!»

Придя к такому решению, Томпсон быстро связался с Нью-Йорком и попросил сотрудников американской миссии немедленно выяснить, в каком состоянии находится перевод Семенова. В миссии хорошо знали взрывчатый характер Боба и поэтому необходимые справки навели незамедлительно. Не прошло и часа, как Томпсон знал, что Семенов находится еще в Нью-Йорке, что багаж свой он уже отправил в Женеву, что билеты у него на руках, паспорт его послан в швейцарское консульство на визу и он должен получить ее не сегодня-завтра.

Последнее сообщение несколько успокоило Томпсона, он тут же позвонил в Консульское управление и договорился о том, что они неофициально свяжутся со швейцарским консульством в Нью-Йорке и попросят «не торопиться» с выдачей визы Семенову. К счастью, нужный человек в Нью-Йорке оказался на месте, виза еще не была выдана, и швейцарцы быстро согласились потянуть еще два-три дня, но предупредили, что без указаний из Берна дольше оттягивать выдачу визы они не смогут.

Попросив секретаршу принести ему крепкого кофе и бутерброд, Томпсон занялся обдумыванием дальнейших шагов. Хорошее знание «секретариатской кухни» на этот раз не приходило на помощь. Как ни поворачивай это дело, а отменить решение о переводе Семенова будет нелегко. Генеральный секретарь ООН не захочет портить отношения с русскими из-за этого. Важно выяснить, по чьей инициативе назначен Семенов: русские ли сами попросили об этом, или же это дело рук каких-то оболтусов в Секретариате. Конечно, Семенов — сильный работник, и это еще более усложняет дело. Да и в США он уже второй раз, в общей сложности проработал здесь девять лет. Секретариат, безусловно, неофициально проинформировал русских о переводе Семенова и получил их благословение. Пожалуй, внутренними мерами ничего не исправишь, здесь надо браться всерьез и докладывать обо всем начальству.

Как всякий опытный чиновник, Томпсон хорошо знал, что начальству следует докладывать о сложной проблеме только тогда, когда у тебя уже готов план дальнейших действий. Тяжело вздохнув и мысленно крепко ругнувшись, Томпсон начал набрасывать возможные варианты плана.

Был уже поздний вечер, когда Томпсон докладывал «дело Семенова» своему начальнику, заместителю государственного секретаря Силверману. Тот сразу же согласился с доводами Томпсона против назначения Семенова и спросил, что можно сделать, чтобы приостановить это назначение.

— Ребята из консульского договорились со швейцарцами о задержке выдачи визы Семенову, это дает нам дня два-три,— спокойно докладывал Томпсон, ни по голосу, ни по виду которого никак нельзя было определить, что дело это слишком уж интересует его.— Думаю, что вмешательство на уровне генерального секретаря ООН нам ничего не даст, только время потеряем. Единственный возможный вариант — подключить печать. И лучше всего швейцарскую.

— А что, у нас есть какие-то компрометирующие его данные?

— Я еще не связывался с соответствующими органами, но это не так уж и важно. Даже если нет никаких данных, все равно надо подключать печать. Другого выхода нет.

— Раз надо — значит, надо,— сразу же согласился Силверман.— Но со специальными службами вы свяжитесь, все равно придется это дело проталкивать через них.

...В первой половине следующего дня в кабинете Томпсона собрались представители Центрального разведывательного управления и Федерального бюро расследований. Заранее извещенные о цели совещания, они коротко сообщили, что у них пока нет никаких компрометирующих материалов против Семенова. В ходе обсуждения один из представителей ФБР предложил опубликовать в швейцарских газетах сообщение о том, что Семенов является агентом советской разведки, со ссылкой на кого-нибудь из выехавших недавно из СССР диссидентов.

— Семенов имеет степень кандидата наук, значит, его должны знать в московских научных кругах. Надо найти какого-то эмигрировавшего недавно сотрудника научного института и со ссылкой на него дать такое сообщение.

Идея эта всем понравилась.

— А после этого следует, чтобы представители западных держав в Женеве заявили официальный протест против этого назначения,— добавил Томпсон.— Нужно только, чтобы в сообщениях газет называлась фамилия не одного Семенова, а то уж больно явно все будет, и ссылка на диссидента не поможет. Хорошо бы включить еще двух-трех человек из Женевы и кого-то из советских специалистов, работающих с Семеновым в одном департаменте.

На этом и порешили, и Томпсон тут же отправился к Силверману, чтобы получить его добро.

Проведение этого плана в жизнь неожиданно натолкнулось на трудности: ни одна швейцарская газета не хотела печатать сообщение со ссылкой на какого-то сомнительного русского диссидента. Пришлось сначала опубликовать его в некоей бульварной западногерманской газетенке, откуда оно перекочевало на страницы лондонской газеты, а уж после этого швейцарские газеты напечатали его под крупными заголовками на своих первых страницах. «Нью-Йорк таймс» же дала краткое изложение того, о чем трубили швейцарские газеты.

6

Войдя в кабинет шефа, Валентин Андреевич первым делом увидел на его столе раскрытую «Нью-Йорк таймс».

— Читали? — поздоровавшись, спросил шеф и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Ну, и что скажете? Как вы относитесь к этому сообщению?

— Отношусь так, как оно этого заслуживает: бред воспаленных мозгов гоняющихся за сенсациями борзописцев.

— Значит, никакой вины за собой не чувствуете? — Вопрос шефа прозвучал весомо и серьезно.

— Какая уж там вина? — с невеселой улыбкой ответил Валентин Андреевич.— Штрафы за незаконную стоянку автомашины — и те плачу аккуратно.

— Неужели? — весело, с видимым облегчением рассмеялся шеф.— Да вы садитесь. А человека этого, на которого они ссылаются, вы знаете?

— Впервые слышу его фамилию,— убежденно ответил Валентин Андреевич,— никогда раньше о таком ученом не слыхал ни здесь, ни в Москве. И ведь надо же: придумал такую чепуху; вероятно, жить не на что, вот и пытается подработать.

— Все может быть,— как-то неопределенно заметил шеф.— Вы серьезно это не воспринимайте, через день-два все об этом забудут. Когда улетаете?

— Недели через две.

— Ну вот и хорошо. Пока обсудите планы работы отдела на ближайшее будущее, наметьте темы докладов, договоритесь с Сингхом, какие заседания будете обеспечивать вы, а какие — Нью-Йорк. Словом, не теряйте времени зря.

После ухода Валентина Андреевича шеф начал просматривать телеграммы и тут узнал, что статьи о «русских разведчиках в ООН» появились также в западногерманской, английской и французской печати. Во всех статьях назывались одни и те же фамилии, швейцарцы и англичане делали упор на Семенова, французы — на Колодкина, а западнонемецкая газета утверждала, что главный виновник — сам шеф, так как всячески покровительствует русским. Будучи опытным дипломатом, он теперь понял, что статьи направляются из одного места и что это явно лишь начало кампании против советских сотрудников в аппарате ООН. Он, конечно, мог отменить решение о переводе Семенова в Женеву под каким-то благовидным предлогом, скажем, назначив его на место Сингха. Он был уверен, что после такого шага все бы сразу успокоились и никто бы больше не вспоминал в печати ни о Семенове, ни о Колодкине. Но поступить так значило бы поддаться постороннему давлению, отступить от своего собственного решения. Нет, на это он не пойдет. Ничего, пошумят-пошумят и успокоятся. Он нажал кнопку и сказал вошедшей секретарше Аните:

— Пригласите ко мне, пожалуйста, Константина.

— Он выступает с докладом на совещании.

— Пусть зайдет ко мне, как только вернется.

Окончание следует.

Иван Павлович Бардин.

В день окончания ремесленного училища Ваня получил за отличные успехи в учебе томик Пушкина. Снимок 1892 года.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА И. П. БАРДИНА

ГЛАВНЫЙ МЕТАЛЛУРГ СТРАНЫ

Е. ИТИН,
инженер-строитель

Фото Ю. БАРМИНА, В. ШАРОВСКОГО и из архива Л. В. БАРДИНОЙ

Есть люди, жизнь которых невозможно отделить от биографии страны, ее трудностей, побед, свершений. Таков жизненный путь Ивана Павловича Бардина — металлурга, ученого, человека кристальной чистоты и высокого мужества.

Действительный член Академии наук СССР с 1932 года, избранный вице-президентом в 1942 году, Иван Павлович был активно причастен к руководству академией до последнего часа своей жизни. Его вклад в развитие отечественной металлургии отмечен семью орденами Ленина, Золотой медалью Героя Социалистического Труда, Ленинской и Государственными премиями. Он избирался членом ЦИК СССР, был с 1937 года до дня ухода из жизни депутатом Верховного Совета СССР.

Нас осталось уже немного, тех, кому выпало счастье знать Ивана Павловича, работать с ним.

Первое впечатление о Бардине я составил, когда Государственная комиссия (я был заместителем председателя) принимала Кузнецкий металлургический комбинат. Этот огромный комплекс, сыгравший важнейшую роль в истории страны, был сооружен всего за тысячу рабочих дней!

В то время о Бардине уже рассказывали легенды, на стройке с гордостью сообщали друг другу, как, несмотря на нажим сверху, он лично задержал пуск завода, пока не были устранены недоделки, и, наоборот, распорядился пустить домну при категорических возражениях американских консультантов, позднее признавших справедливость инженерных решений Бардина.

Потом, работая в Центральном НИИ черной металлургии, я не раз встречался с ученым, ближе узнал его как руководителя и человека.

Он родился 13 ноября 1883 года в селе Широкий Уступ Саратовской губернии в бедной семье сельского портного. Постоянная нужда вынудила родителей в поисках лучшей доли перебраться в Саратов. Здесь Бардины пережили тяжелый голод неурожайного 1891 года и страшные холерные бунты 1892-го. В эпидемию холеры погибли брат и сестра Вани Бардина.

Родители мечтали, чтобы их сын поступил в гимназию, но им сразу отказали, даже документов не приняли. Удивились: «Что делать сыну сельского портного в гимназии? Все равно вы не сможете платить за учение». Пришлось идти в ремесленное, затем в Мариинское земледельческое училище, расположенное в 40 километрах от Саратова.

В 1906 году Иван поступает в Киевский политехнический институт на агрономическое отделение, а через год переходит на более интересующее его химическое отделение инженерного факультета, занимается в лаборатории, которой руководит профессор Василий Петрович Ижевский, замечательный

Академик часто бывал на заводах.

У друзей тигроловов.

Караганда. С президентом АН Казахской ССР академиком К. И. Сатпаевым на углеразрезе.

Норильск. На руднике открытых работ. Справа налево — доктор экономических наук А. Е. Пробст, академик И. П. Бардин, бывший тогда главным инженером Норильского комбината В. И. Долгих, главный геолог комбината Г. Д. Варенья, кандидат технических наук В. С. Абрамов. 1958 год.

русский ученый-химик и металлург.

Ижевский сразу заметил талант молодого Бардина, но желание профессора оставить его на кафедре профессорским стипендиатом для научных работ в институте оказалось невыполнимым. Место было уже обещано ничем не примечательному в науке протеже генерал-губернатора. Устроиться на работу по специальности Бардин не смог. Металлургические заводы Юга управлялись в те годы иностранными фирмами со своими специалистами.

После долгих поисков работы Иван устраивается, наконец, экскурсоводом на проходившую в Екатеринославе сельскохозяйственную и промышленную выставку, где демонстрировалась и американская сельскохозяйственная техника. На способного молодого человека обращают внимание и неожиданно предлагают ему поехать поработать в Америке.

Предложение заинтересовало Бардина: ведущая страна в металлургии тех лет (шел 1910 год) манила возможностями приобрести американский опыт. Однако Америка приняла его негостеприимно. Рекомендательные письма, диплом инженера не обеспечили работы по специальности. Иван трудился сборщиком культиваторов, помощником кузнеца, слесарем-сборщиком тракторов и через год возвратился на родину.

Василию Петровичу Ижевскому на этот раз удается устроить своего бывшего ученика на Юзовский металлургический завод. Здесь Иван Павлович знакомится с Михаилом Константиновичем Курако, крупнейшим специалистом по доменным печам, человеком находчивым, смелым. Бардин вспоминал такой случай. Однажды на Юзовском заводе при осадке в доменной печи выбросом раскаленного кокса засыпало будку машиниста управления конусной лебедки. Все растерялись. Курако молниеносно обмотал голову валявшимися тряпками, бросился в огонь, отгреб раскаленный кокс, спасая находившихся в будке рабочих и машиниста.

Бардин очень любил и высоко ценил своего учителя. После смерти М. К. Курако в 1920 году Иван Павлович до конца своих дней материально помогал его семье.

На Южных металлургических заводах Бардин работает с 1912 года. Здесь становится он известным доменщиком, проходит путь от помощника начальника доменного цеха до руководителя металлургического завода. Здесь встречает Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

В 1920 году рабочие избирают его главным инженером Енакиевского завода. Будущий ученый восстанавливает на юге страны металлургическую промышленность, разрушенную гражданской войной.

В 1929 году Бардина назначают главным инженером строительства крупнейшего металлургического комбината в Кузнецке — одной из важнейших строек страны. «Предстоит открыть новую страницу в истории Западной Сибири. Это глубокая разведка партии рабочего класса в завтрашний день нашей страны. Это будет замечательное завтра! За Вашей работой будут следить не только у нас в Советском Союзе, но и за границей! Вы должны показать, на что способны большевики. И это очень почетная задача. Желаю Вам успеха!» — говорит, напутствуя И. П. Бардина, В. В. Куйбышев.

Первая домна дала первый чугун 3 апреля 1932 года. В том же году были введены в эксплуатацию вторая домна, первая мартеновская печь, блюминг, рельсопрокатный стан. Комбинат начал работать комплексно. Народное хозяйство стало получать металл с обеспеченной перспективой дальнейшего роста по количеству и качеству — в соответствии с программами предстоящих пятилеток. В этом — мысль и труд главного инженера комбината академика И. П. Бардина.

Продукция Кузнецка явилась значительным вкладом и в разгром фашистских армий в годы Великой Отечественной войны. Каждый второй танк, каждый третий снаряд были из высококачественного металла Кузнецкого металлургического комбината. В пору войны И. П. Бардин был заместителем председателя комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири, Казахстана на нужды обороны страны. Война с фашистской Германией поставила экстренную задачу перед заводами черной металлургии, расположенными на Востоке,— организовать производство броневого листа. Раньше необходимый металл производился заводами, оказавшимися в зоне военных действий. Обычно на сооружение, монтаж оборудования идентичного цеха и организацию выпуска подобной продукции затрачивались годы. Теперь работы были произведены за два месяца.

Для оборонных нужд требовались пружины, тросы (авиационные, судовые, для мин), особо прочная стальная лента для штампуемых изделий. Нужна была легированная сталь, получаемая с применением ферромарганца, ферросилиция, феррохрома. Месторождения этих видов сырья остались на территориях, занятых врагом. Срочно организовали на Востоке поиск месторождений, добычу и немедленную выплавку нужного металла. Организатором этих неотложных работ стал вице-президент АН СССР академик И. П. Бардин. За научные работы в годы Великой Отечественной войны вместе с другими участни-

ками этих работ он был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР.

По инициативе Ивана Павловича были созданы в 1939 году Институт металлургии АН СССР, а в 1944 году Центральный научно-исследовательский институт черной металлургии, который сейчас носит имя своего создателя. Академик Бардин был бессменным директором этих двух институтов до последнего дня своей жизни.

Почти все крупные научные разработки тех лет в области металлургии связаны с именем Ивана Павловича. Например, применение кислорода в мартеновских печах и на других агрегатах. За разработку этой темы в 1949 году Бардин вместе с другими участниками этой работы во второй раз был удостоен Государственной премии СССР. А в 1958 году за научную разработку непрерывной разливки стали он получает Ленинскую премию.

Всю жизнь академик Бардин был там, где трудно, где особенно требовались его инженерный опыт, знания ученого, личное мужество. В то время для развития промышленности страны большое значение приобретает использование богатств нашего Северо-Запада. Однако вопрос создания металлургии на базе печорских углей и рудных месторождений Кольского полуострова считался спорным. Академия наук СССР организовывает Ленинградско-Мурманскую экспедицию, работавшую с 1944 по 1948 год. Ее руководитель — вице-президент АН СССР академик И. П. Бардин. Результатами большой работы экспедиции были отвергнуты возражения авторитетных специалистов и подтверждена экономическая целесообразность сооружения Череповецкого металлургического комплекса, выявлены просчеты и ошибки первоначального проекта.

Деятельность Ивана Павловича на посту вице-президента АН СССР была исключительно разносторонней. Она не ограничивалась металлургией. Он был председателем Междуведомственного геофизического комитета по проведению Международного Геофизического Года — МГГ. И хотя глобальные исследования атмосферы, Мирового океана, всего земного шара, окружающего его космического пространства были далеки от собственных научных интересов ученого-металлурга, он, по его выражению, полюбил МГГ, считал дорогим и близким ему делом. Ему импонировало в МГГ прежде всего то, что здесь интересы научного познания слились с международным сотрудничеством, которое впервые в истории позволило охватить согласованными наблюдениями земной шар и его окрестности, а также ближайшую к нам звезду — Солнце. В сентябре 1956 года на международной ассамблее членов национальных комитетов по проведению МГГ И. П. Бардин в Барселоне сделал сенсационное заявление о том, что Советский Союз намерен в течение МГГ осуществить запуск искусственного спутника Земли.

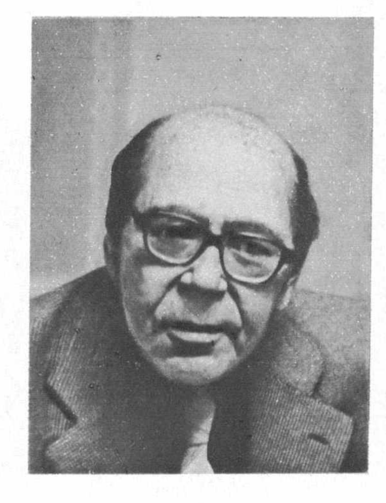
...Металлург, ученый, общественный деятель, Иван Павлович был удивительно добрым, деликатным человеком. При своей огромной загрузке обязанностями вице-президента АН СССР, директора двух научных институтов, заместителя Наркомчермета, председателя Уральского филиала АН СССР он находил время вникать в дела и заботы своих сотрудников. Вспоминаю такой случай. С одним ученым случилось несчастье, требовалась срочная материальная помощь. Иван Павлович распорядился выдать ему 5000 рублей. Это было в 1948 году. Главный бухгалтер не согласился с директором и написал жалобу министру. Я сидел на очередном докладе у И. П. Бардина, когда он, просматривая почту, увидел письмо министра по случаю злополучной жалобы. Директор вызвал бухгалтера. Произошел следующий диалог: «Это вы писали?» «Да!» Бардин укоризненно: «И не нашли нужным предварительно обратиться ко мне, узнать, что случилось у человека, столько лет работающего у нас? Сколько в институте я должен получать в месяц зарплаты?» «Десять тысяч!» «Сколько лет я не получаю зарплаты, возвращая ее в доход государства через вам подчиненную бухгалтерию? В несчастье товарища я мог бы помочь ему за счет моей зарплаты, которую не получал столько лет, но он мог узнать об источнике, получилось бы неделикатно. Ему должно было помочь учреждение, где он работает. Эх, вы...» Бухгалтер со стыдом удалился.

Иван Павлович много лет заботился о неизвестном ему мальчике Кабире Калиеве, отец которого погиб на фронте. Узнав о бедствиях семьи Калиевых, депутат Верховного Совета СССР Бардин проявил горячее участие в судьбе мальчика. Настойчиво преодолев все формальные трудности, он добился зачисления Кабира в Казанское суворовское училище. Позже познакомился с Кабиром, переписывался с ним, приглашал к себе в гости. Он прививал воспитаннику любовь к литературе, покупал ему книги, советовал заниматься фотографией, снабдив мальчика всем необходимым для этого. Иван Павлович помогал Кабиру изучать английский язык, иногда писал ему на английском. Так отечески опекая мальчика, он помог Калиеву получить образование. Кабир Ахмедович сейчас занимается наукой, защитил кандидатскую.

Как-то мы летели специально выделенным Ивану Павловичу самолетом в Запорожье. К Бардину обратился командир экипажа с просьбой разрешить посадку на промежуточном аэродроме для дозаправки. Академик ответил: «Раз нужно, садитесь!» Мы сошли на покрытую травой площадку. И видим — мальчик и девочка бегут к командиру экипажа с криком: «Папочка! Папочка! Мы тебя так ждали, так ждали!» А Бардин будто не заметил ничего и говорит смущенному летчику: «Не спешите заправляться, мы как раз не завтракали, капитально поедим». И за едой всячески старался протянуть время стоянки.

Да, вся жизнь талантливого ученого, вице-президента АН СССР академика Ивана Павловича Бардина, заполненная трудом и наукой, была исключительно человечной...

Промчатся годы, патина покроет бронзу прожитых десятилетий, но в памяти народной навечно сохранятся свершенные дела и щедрость человеческого сердца Ивана Павловича Бардина.

А. аль-ХАМИСИ

ГУРЗУФ

Абдаррахман аль-Хамиси — один из ведущих поэтов современного Арабского Востока. Все свое творчество посвятил он делу борьбы за свободу и мир на Земле. Стихи его неоднократно издавались в нашей стране, регулярно появляются в периодике, в том числе и на страницах «Огонька».

Пламенный поэт-интернационалист, большой друг Советского Союза, А. аль-Хамиси удостоен международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

Сегодня мы печатаем новую поэму А. аль-Хамиси «Гурзуф».

1

Я в Гурзуф занесен
угольком из потемок чужбины;
В нем мерцали, сменяясь,
изгнанье, тоска и недуг.
Я лелеял в себе
сохраненный лишь волей единой
Огонек, устоявший
под шквалом невзгод и разлук.
Но дыхание бури
дало ему силы: как прежде,
Он горит, не сгорая во мраке,
мятежен и рдян...
И тогда распахнул я
ожившее сердце надежде,
От лица ее горечь,
усталость и боль отведя.
И хоть злая болезнь
точит ребра тупою пилою,
И хотя каждый вздох,
словно нож, мои легкие рвет,
Стоит море увидеть —
себя ощущаю волною,
Той, что в солнечной пене,
ликуя, на берег идет.
Белой чайкой парю
и пою над слепящим простором,
Там, где высь бороздят
караваны тугих облаков,
Гибкой веткой клонюсь
в светлой роще, взбегающей в гору,
Ветерком предрассветным
скольжу меж деревьев легко.
И в душе отогревшейся
юная радость танцует
Под мелодию моря,
под ритм набегающих волн...
Я в плену красоты.
То ли море мне душу чарует?
То ли сам ворожу,
состязаясь с его колдовством?
Два ли моря слились?
Иль они близнецы с этой высью?
Наяву ль это все?
Или грезы меня унесли?
Или водная гладь —
серебристого зеркала высверк,
Отразивший на миг
небосвода пленительный лик?

Я частица природы.
Я сын нашей щедрой земли:
Перелившись в меня,
жаркой жизни пьянящие соки
Бродят в жилах моих.
Из мерцанья созвездий вдали,
Из предутренних радуг,
разбросанных в росной пыли,
Мир фантазий и грез
прихотливо и бережно соткан.
Мне природа доверила
ключ от сокрытых чудес,
Научив понимать
письмена ее сказочной тайны,
Чтобы шепот ее
нежной флейтой в душе моей таял,
Чтобы властвовал я
над простором земли и небес.

●

Я вернулся, природа,
под сень ароматных садов,
К бирюзовому морю,
что стелется под ноги рощам
Там, где взапуски скачут
леса с табунами холмов
И сбегают на Ялту,
как волны усталые, ропща.
Я вернулся к тебе,
к щебетанию птиц на заре,
Чьи жемчужные трели
в душе моей будят томленье,
К колыханью вечерних теней
на соседней горе,
Превращенной в причудливый холст
очарованным зреньем.
Я вернулся к тебе,
чтоб в зеленых объятиях трав
Хоть на миг обрести
позабытое счастье покоя:
Так больное дитя
ищет теплое тело родное
И, найдя, затихает,
к груди материнской припав.
Каждым нервом своим,
каждой клеточкой я припадаю,
Прижимаюсь к тебе,
возвращаясь из дальних краев,
И, лицом зарываясь в траву,
на губах ощущаю
Запах жизни извечной,
и плачу, и славлю ее.

●

Так шагай по земле,
красота, воплощенная в чуде,
Караванами моря,
деревьев, холмов и долин.
Здесь творенья художников
вышли из замкнутых студий,
Чтобы вспыхнуть под солнцем
палитрой волшебных картин.
Время, взявшись за кисть,
стережет переливы мгновений,
Добавляя мазки
на холсте быстротечного дня...
Вот на западе свет
вдруг рассыпал сверкнувшие звенья,
Золотым ожерельем
распавшись на зерна огня.
Вижу — тень вдалеке
изогнулась, колеблясь, и хлынул,
Полоснув по глазам,
ослепительный свет голубой.
Где теперь эта тень?
Навсегда силуэт ее сгинул
Или только на миг
море света открыл за собой?
Все живет, воплощая себя
и опять растворяясь,
Чтобы в образе новом
иную постичь глубину —
Ведь не гибнет вода,
но, дождями из туч проливаясь,
Оживает в цветах
и поит их дыханьем весну.
О, природа!
И я на твоем алтаре необъятном
Распластал свое сердце,
любви и защиты прося.
Я частица твоя.
Я хочу, как невидимый атом,
Раствориться во всем,
все живое в себя привнеся.
В каждой капле исчезнуть,
в молекуле каждой родиться,
Впасть ручьем безымянным
в безбрежность спасительных вод...
Так прими же меня,
дай же нашим объятиям слиться,
Пощади мое сердце —
оно разорвется вот-вот.
И несчастье мое
и моя несказанная радость
В том, что мерою жизни
тебя я избрал навсегда.
Блещет моря лазурь,
всем даруя покой и отраду,
И волнам все равно,
чьи по ним проплывают суда.
И заря, разгораясь,
всегда одинаково светит
Всем живущим под небом —
запреты не властны над ней.
Грудь любому из нас
наполняет дыханием ветер,
И земля укрывает любого
в конце его дней!

2

Мне привиделся Пушкин...
Шаги его вдруг зазвучали:
Из-за кос кипариса
он шел, худощав, смуглолиц.
Что же странного в том,
что тоска из неведомой дали
Вызывает ушедших,
с кем время и смерть разлучали,
И мы видим их вновь
сквозь туман повлажневших ресниц.
Как я грезил о нем!
А сейчас он стоит предо мною
И волшебные строки
читает слегка нараспев.
Будь нежнее к себе,
ты, познавший страданье земное
И воспевший стремленье к свободе
и праведный гнев.
Друг скитаний моих!
Ты здесь был до меня, без меня,
Здесь встречали тебя
берега и зеленые долы.
Молодой кипарис,
узкой тенью тебя осеня,
Слушал музыку строф —
в них, пленительный образ приняв,
Жили чувства твои...
Вы шептались о чем-то подолгу.
Здесь соленые ветры,
свободы родные сыны,
Салютуя тебе,
грохотали, как грозные жерла.
Ты — поэзии рыцарь,
и не было выше цены,
Чем цветущая жизнь твоя,
ей принесенная в жертву.
Хоть разминулись наши эпохи,
но чувства сошлись:
На пирах произвола
обоих нас скорбь накормила.
Беззаконье — всегда беззаконье.
Века пронеслись,
Изменяло обличье оно,
только сути не скрыло.
И сегодня те самые псы,
что гнались за тобой,
По следам моим рыщут,
охота вцепиться в меня им.
И в душе моей гордость
живет по соседству с тоской,
Я по собственным ранам иду,
головы не склоняя.
Как случилось, что встретились мы,
больше века прождав?
Я на встречу из жизни пришел,
ты — из смертного круга...
Или общая боль, расстоянье и время поправ,
Нас с тобою свела
и поставила друг против друга?
Я смотрю в зеркала —
мы вдвоем отражаемся в них.
Кто мы?
Гамлет с Горацио?
Эхом повторенный возглас?
Мы в лицо беззаконию
бросили яростный стих,
Не цепляясь за жизнь,
но ценя убежденья, как воздух.
В этой жизни превыше всего
одержимость и пыл
В достижении правды —
прекрасной сияющей дали.
Ты не славил войну.
Ты ее никогда не любил,
Лишь для счастья людей
вдохновенные строки рождались.
Роковая дуэль...
Иль вернее убийством назвать
Тайный сговор,
незримые сети раскинувший подле?
Не затянется рана,
и вечно к отмщенью взывать
Будет кровь, обагрившая руки
убийц твоих подлых.
Пушкин! Враг твой коварный
все тот же, как встарь.
И теперь
Поит ядом страданий
ему непокорные души.
Вторя предкам своим,
жаждет крови сегодняшний зверь,
Крови рыцарей гордых,
на бой с произволом идущих.
Но тиранов всегда ожидает
бесславный финал:
Сколько тронов разбили
народы, познавшие волю!
Не успеет волна поседеть —
новый пенится вал,
Вырастают, как горные кручи,
свободные волны.

●

В давней юности нашей
с султаном мы были дружны,
Меж собою делили
и радости мы и печали,
О побегах свободы
на древе Египта мечтали,
Но враги обломали
цветущие ветви весны.
Мы мечтали — заря справедливости
мир и людей
Вечным благом зальет,
ярким садом планету расцветит...
Но пути разошлись.
Я шагаю дорогой своей,
А наперсник презренный
кончину позорную встретит!
Мой Египет!
Душа, переполнясь любовью к тебе,
Вобрала в себя веру изгнанника,
смелость аскета.
Я несу твое чистое имя,
как знамя в борьбе
Против власти султана —
изменника прошлым обетам.
А за мной по пятам —
оголтелая свора писак
И клевретов его,
облачивших предателя в тогу,—
Целый сонм палачей
впереди преграждает дорогу...
Но поэмы мои,
как солдаты, чеканят свой шаг!
На невольничьем рынке
рабыней
Отчизна моя
Через сердце мое
хочет боль свою выплеснуть криком:
«Посмотри, он захватчикам продал
родные края,
Кровь безвинно погибших,—
забыв о наследье великом.
Он позволил меня
чужеземным топтать сапогам!»
О, родная земля!
За твое избавленье отдам
Жизнь свою, как последнюю жертву,
без тени сомненья.
...Точит сердце печаль.
Тают силы...
Но верю, что нам
Суждено победить.
А его не спасти ни стенам,
Ни убежищам тайным,
ни банде его окруженья!

Перевел с арабского Сергей ГОЛУБЕВ.

А. БАСМАНОВ
Фото И. ТУНКЕЛЯ

Улица Разина

Теперь здесь заповедник: попав на эту улицу, будто оказываешься в XVII веке. Почти двадцать лет расчищалось Зарядье — огромная, сложнейшая работа, проведенная реставраторами, восстановившими, воссоздавшими целый кусок средневекового города. Эти тринадцать гектаров земли в оправе современной Москвы — жемчужина нашей истории: здесь овеществленной памятью живут Русь, боярский и ремесленный быт, военное зодчество, классика трехсотлетней давности. Здесь — открой низкую дверку—попадешь прямо в гости, в душные горенки нашего предка-москвича, увидишь, как жил он в своем дому, возведенном «глаголем»: вот тяжелые сводчатые потолки, вот слюдяные окончины в свинцовых переплетах, изразцовые печи, окованные железом лари-подголовки, светцы и ендовы — и мерно течет густое время, как размеченное суровым предписанием Домостроя.

Нет сегодня в Москве более древней улицы, чем улица Разина, бывшая Варварка: она словно аорта у сердца Кремля, она впадает в Красную площадь, как Волга в Каспийское море. По истории этой улицы можно прочесть всю историю России. По ней, кипя, выплескивались к Спасским воротам с топорами и дрекольем толпы мятежников, отсюда через охрипших глашатаев слышно было, как Иван Грозный держал свою покаянную исповедь перед народом. Улица видела загадочную личность Лжедмитрия, вора и самозванца, расстригу Гришку Отрепьева—вначале работным человеком боярина Никиты Романова, а потом царем московским, со свитою, в золотой одежде и ожерелье из 150 тысяч червонцев; по ней же, улице, протащили для поругания его почерневший труп с маскою, дудкою и волынкою в закостенелой скрюченной руке.

При Петре здесь взимались пошлины с раскольников и не хотевших брить бороды, а на дубовых столбах прибиты были указы о платье французском и венгерском, кое, собственно, на чучелах представлялось тут же. Стара улица, стара и память ее: возвращаясь с Куликова поля, здесь проходили «тихими стопами» войска князя Дмитрия Ивановича Донского — с плещущими на ветерке парадными черными хоругвями, с победными песнопениями, а в ненастные дни октябрьских боев семнадцатого года, когда Кремль последним, отчаянным узлом сопротивления завязали юнкера, именно отсюда, с устья этой улицы, как бы из-под кормы Василия Блаженного, наступали Рогожско-Симоновские красные отряды.

Варварка — сестра огня. Первый известный по летописям пожар случился тут в мае 1331 года, второй относится к 1335-му, третий — к лету 1337-го. Четвертый всепожирающий пожар случился в 1343 году, но особенно памятен был грандиозный пожар июля 1365 года: загорелась царковь Всех Святых, и Варварка, как бикфордов шнур, шипя и кашляя искрами, пошла к Красной площади и испепелила дотла Кремль, и Загородье, и Заречье, и весь Посад. Стояла великая засуха и зной, открылась свирепая буря, головни и горящие бревна метало за десять дворов, и в два часа от Зарядья осталось лишь черное обуглившееся пятно. Так в среднем через каждые три-четыре года вплоть до XIX века выгорала Варварка, и призрак красного петуха был ее знаменем.

Пытались обходиться без огня. Не из экономии, но от страха не зажигали его летом для освещения улицы, и при Годунове вышел даже указ, чтоб выводные трубы в поварнях были каменные, а стряпух и вовсе поприжали с удобствами, ибо «для береженья от пожарного времени с тех поварен кровли и верхи снимались до осеннего времени и до заморозков». Запретили однажды и свои мыльни, что повергло обывателя почти в отчаяние, поскольку старинному русскому человеку баня была нужнее, чем обед, зато настроили общественных, круглоденно топившихся торговых бань, куда приглашались все желающие.

Но, как всегда, закон законом, а отмычка и обход против него отмычкою и обходом: Варварка вечно уходила от правил — люди, так или иначе прикосновенные ко дворцу, находили возможность исходатайствовать себе разрешение, чтобы их «огневою выемкой и сторожею не ведали». Такие необходимые для богомольного Кремля мастера, как знаменитый иконописец-«изуграф» Симон Ушаков, получил эту привилегию на том основании, что ему «убытки большие и государевым делам помешка», за ним просили о той же льготе царицыны закройщики, теремные истопники и садовники, всякий ремесленный люд — лишь бы имел он спешный заказ от дворца: гончары оттого, что они черепицы и изразцы делают; котельщики оттого, что много медных дел; сусальщики для плавления золота к главам Успенского собора. Но особенно много крови портили у объезжих нарядов иноземцы, в силу своей неприкосновенности не обращавшие внимания ни на какие указы и правила: из труб Английского подворья на Варварке, где топили беспрерывно, искры летели во все стороны, и на колокольне соседней церкви был поставлен специальный стрелец для пожарного наблюдения. Писали обыватели царю челобитные, царь отсылал иноземцам ноты — все тщетно.

Правда, Варварка была не только сестрою огня, дочерью всех ремесел была Варварка: здесь в многочисленности и многошумности жили умелые люди — плотники, гвоздильщики, чашники, литейщики, кузнецы, словом, мастера на любой обиход; отстраивались они от пожаров молниеносно, терем рубили иной раз в день.

С той поры, как драгоценные осколки древних времен сохранились на Варварке частично палаты бояр Романовых и Старый английский двор, где с 1553 года зажили для москвича необычайного облика, в атласных шелковых чулках и бархатных беретах, бритые британские купцы. Поселился в этом доме за громадное жалованье, кроме поденного корма и дров, и Христофор Галовей — «аглицкой земли часовой мастер»: ему заказали новые куранты для Спасской башни. Галовей был педант и свою марку держал высоко: он в срок перестроил под сложный механизм саму башню и изготовил часы с колокольной музыкой, для чего отливалось тринадцать колоколов с высокопробным серебром. Англичанин чертил, указывал и смотрел денно и нощно за работой, которую работали крестьяне Устюжского уезда: Ждан, его сын Шумило Жданов и внук Алексей. Часы мастерили на кузнечном дворе у варварского крестца, потом на кряхтящих подводах по горбатой, вывертывающей вверх улице дотянули до башни и на блоках с день поднимали и с неделю крепили: время показывала неподвижно установленная над циферблатом стрелка в виде солнечного луча, вращался же самый циферблат, представлявший собой небесный свод лазоревой эмали с солнцем, серпом луны и золочеными звездами. Звонила колокольная музыка, и несся серебряный звон, пугая ворон и галок, над Красной площадью, похожей больше на рынок: ряды, ряды, ряды.

Не только была Варварка сестрой огня и дочерью всех ремесел — была она и сама матерью: торговли. Список рядов перед Кремлем, или, как тогда говорили, «на пожаре», пополнявшихся товаром и провиантом именно с варварских лабазов, обнимает свыше ста двадцати названий. И, как ни старалось правительство сослать с площади торговцев и тем очистить ее от беспорядка, гомона и опасности пожара прямо перед Кремлем, мясники, рыбники, грибовщики, яблочники были несгибаемы, и от Варварки до Лобного места кипела оживленная торговля, а собор Покрова Богородицы и вовсе не мог быть обойден из-за окружавших его лавок.

Наблюдение за тем, чтобы на этом торжище все было «стройно и бережно», поручалось назначавшемуся ежегодно «объезжему человеку». Вся Москва была разделена на объезды, и из них важнейшим, после кремлевского, был объезд на Варварке. В объезжие обычно выбирался человек опытный в полицейском деле, большей частью из стольников,— при нем состоял дьяк и трое молодых караульных стрельцов.

В помощь объезжим обыватели, в свою очередь, должны были нести уличную службу, и дежурные дворники, выставлявшиеся с десяти дворов по человеку, а с больших чинов — по человеку со двора, существовали чуть ли не с XV столетия.

Объезжий беспрестанно досматривал уличных сторожей и не давал им спуску за лень и трусость. Так, например, в 1674 году замочный сторож Холщового ряда был бит батогами за то только, что в ночь на 21 июля не найден оказался на посту «с целый час».

То явилась безветренная, ясная, теплая, летняя ночь. Вообще тот 1674 год по сравнению с мрачными годами опричнины, годами чумных моров и голода, годами войн, смут, мятежей и казней казался совсем спокойным под сенью царствования «тишайшего» Алексея Михайловича, и суровые, нервные, заревые всполохи петровских перемен были еще далеко за горизонтом.

Сколько с тех седых пор и от молодости твоей воды утекло, сколько перемен сталось, Варварка? Именно на твоих подворьях — Юрьевых, Ростовских, Романовых, Шуйских — при мерцании оплывающих в медных шандалах свечей, темными вечерами, плелись дворцовые заговоры и решались судьбы тысяч русских людей; на алтарях твоих церквей, Варварка, творилось наше искусство — великого строгановца Прокопия Чирина и живописца «световидного» Симона Ушакова; в твоем узком горле три осла катили под свист и хлопки бичей гулкую телегу с чугунно-прикованным, будто распятым на бревенчатой перекладине Стенькой Разиным, и толпа встречала ту телегу безмолвием. Но над тобой вставало и солнце — оно золотило купола Знаменского монастыря и купола Кремля, словно кобальту подбавляло в москворецкую рябь, превращая ее почти в сапфир. А сколько дождей омыло тебя, Варварка, сколько видела ты утр и закатов, смертей и рождений? Вот он, раскат твоей мостовой, звенит под каблуком, и в такт шагам покачивает своей главой отраженная в реке Тайницкая башня — это кланяется тебе Москва.

Красная площадь. Покровский собор * Во дворе Английского подворья.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Молодые живописцы у стен Знаменского монастыря * Улица Разина. Палаты бояр Романовых * В музее «Палаты бояр Романовых» * Туристы, туристы, туристы... * Лыковая роба XVII века — экспонат музея «Палаты бояр Романовых».

Intou

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. П. ЗАЛЫГИНА

ПОСТОЯНСТВО ПОИСКА

Перебирая в памяти произведения Сергея Залыгина, невольно задумываешься над их тематическим и жанровым многообразием, непохожестью проблематики, стиля. Творчество известного нашего прозаика всегда таило неожиданности для критики.

Он начинал в предвоенные годы циклом «северных» рассказов. Затем их сменили рассказы о деревне. От новелл — переход к очерку. Книга очерков «Весна 1954 года» принесла писателю широкое признание, о нем заговорили как о мастере очерковой прозы. Актуальность, психологизм, острые конфликты этих очерков заставляли предположить, что автор окончательно нашел свою тему, овладел непростым жизненным материалом и плодотворно продолжит начатое.

Однако на гребне успеха очерковых дебютов на деревенскую тему Залыгин вдруг резко меняет курс, погружаясь совсем в иную стихию. Ученые, их захватывающая работа, напряженные нравственные поиски и конфликты на долгое время оказываются в центре внимания писателя. Итогом этих лет стали рассказы, сатирическая повесть «Свидетели» и, наконец, роман «Тропы Алтая». Предостерегая от опасности неосторожного вмешательства в окружающую среду, автор размышлял в нем о хрупкой гармонии человека и природы.

Как видно хотя бы из этого начального перечня, круг интересов С. Залыгина всегда отличался большой широтой при неизменной тяге к современности, к сегодняшнему дню любимых таежных краев.

И вот в середине 60-х годов писатель вновь обращается к деревне, но теперь уже — периода коллективизации в повести «На Иртыше». Потом еще дальше уходит в прошлое, показывая в романе «Соленая Падь» события гражданской войны. Произведение это было удостоено Государственной премии СССР за 1968 год.

Казалось бы, они прочно закрепили за Залыгиным историко-революционную тему. И вот вновь неожиданность: прозаик уступает место литературоведу—серия статей о Павле Васильеве, Андрее Платонове, объемистое исследование чеховского творчества «Мой поэт»... Когда же на рубеже 70-х годов писатель опять возвращается к прозе, из-под его пера выходят остросюжетный роман «Южноамериканский вариант» и фантастическая повесть «Оська — смешной мальчик».

Не правда ли, редкая творческая разноплановость, многосторонность? Но она не имеет ничего общего с всеядностью, ибо основывается на широте духовного кругозора, богатстве жизненных наблюдений и профессиональном опыте.

Школа жизни... Как часто мы спешим аттестовать ею всякое новое литературное имя «из глубинки». По отношению к Залыгину подобная аттестация более чем оправданна. До прихода в литературу он был в деревне инструктором по силосованию, агрономом. Получив диплом инженера-мелиоратора, работал гидрологом на Обском Севере, защитил кандидатскую диссертацию, заведовал кафедрой Омского сельскохозяйственного института.

Память о годах гражданской войны, поре коллективизации, военного лихолетья, глубокие знания труда сельских специалистов, особенностей Алтая, Западной Сибири, Севера — все это, помноженное на солидный багаж ученого и очевидный литературный талант, органично вошло в произведения писателя, определило их тематическое и жанровое многообразие. Неудивительно стремление Залыгина сблизить науку и литературу — оно проистекает из созвучия написанного и пережитого. Отсюда и полнокровность, убедительность его образов, осязаемая достоверность производственной среды.

Страсть увлеченного своими героями художника прекрасно сочетается в творчестве С. Залыгина со строгой аналитичностью ученого, привыкшего к дисциплине и логике мысли. Он сохранил в литературе любовь к познанию нового, боязнь шаблона и банальности.

Творчество писателя нацелено на раскрытие внутренних закономерностей взаимодействия личности и общества, динамики поступательного движения самой жизни, истории. При этом Залыгин старается брать в своих произведениях отправные моменты событий, истоки социальных сдвигов, будь то начало коллективизации или первые послеоктябрьские годы.

Откуда вырос нынешний колхозник? Кем он был двадцать, тридцать, сто лет назад? Эти вопросы ставятся писателем в повести «На Иртыше» не ради подтверждения готовых ответов, а ради открытий. Испытания, выпавшие на долю главного героя повести Степана Чаузова, заставляют его раскрыться до конца, выявляя сложность недюжинной натуры этого крестьянина-середняка, сознание которого существенно меняется под воздействием того нового, что принесла в традиционный крестьянский уклад революция.

Дерзновенный эксперимент проходит перед нами на страницах романа «Соленая Падь» — создание крестьянской республики в одном из отдаленных уголков захваченной колчаковцами Сибири. Проблемы народовластия, жажда справедливого общественного устройства, мечты о светлом будущем — вот что прежде всего занимает здесь автора, рассказывающего о том, как, зажатые в белогвардейское кольцо, оторванные от красного Питера и Москвы, восставшие мужики по своему разумению устанавливают Советскую власть на родной земле.

Реальность этих книг предельно сурова, а обстоятельства, в которые поставлены герои, порой трагичны. Но чем беспощаднее борьба, тем тверже нравственное чувство, доказывает писатель и поверяет силой сопротивляемости ответному насилию и жестокости поступки героев, не оправдывая морали Брусенкова из «Соленой Пади» — око за око, зуб за зуб...

Героическое и будничное начала постоянно сосуществуют в творчестве С. Залыгина. Более того, у них общая завязь. Ведь в понимании художника наша обыкновенная мирная жизнь — результат подвига, а подчас и его продолжение. Недаром Чаузов, герой повести «На Иртыше», и Мещеряков из «Соленой Пади» настойчиво вопрошают нас, сегодняшних: а так ли живете, сбылось ли задуманное нами тогда?

Обыкновенное не означает для Залыгина незначительное. Напротив, он вкладывает в это понятие высокий гражданский смысл, наполняет исключительно важным содержанием именно потому, что оно есть **норма** человеческого существования, создающая оптимальные условия для всестороннего проявления личности.

Тоскуют по норме, устремлены к ней те же Чаузов и Мещеряков, мечтающие о спокойной, упорядоченной жизни и естественных, привычных занятиях. Другое дело, что нравственная норма обыкновенного в произведениях писателя далека от идеалов мещанского благополучия, она предполагает неустанную работу души. Вот почему столь поэтичная героиня романа «Тропы Алтая» Онежка Коренькова обнаруживает под конец, как это нелегко—«быть обыкновенной».

Искусство жить. Ему учил Чехов. И какие бы драматические коллизии ни лежали в основе произведений Залыгина, они неизменно несут мощный заряд оптимизма, призывают заботиться о настоящем. Поучительна в этом плане история профессора Вершинина из «Троп Алтая». Годы его прошли в ожидании волшебного «завтра», когда ему предстоит совершить главное дело жизни. В результате жизнь оказалась предисловием к чему-то так и не совершенному, своего рода репетицией к несостоявшейся премьере.

Проблемы духовности, осмысленности человеческой жизни приобретают сегодня в нашей литературе все большую актуальность. Залыгин освещает их и в первом своем романе, «Тропы Алтая», и в «Южноамериканском варианте». В обоих произведениях действуют люди науки. Причем в последнем автор делает попытку связать научное мышление с обыденным, проследить их взаимовлияние, показать обоюдную ответственность теории и практики.

В романе «Комиссия» (1975) перед читателем вновь предстает жизнь глухого таежного села в ту пору, когда осенью восемнадцатого года сибирские «временщики» свергли здесь Советы. Но ростки Октября уже не вытоптать в душах крестьян, задумывающихся о своем будущем. Не случайно именно местный сход постановил учредить Лебяжинскую Лесную Комиссию, чтобы навести порядок в бывших царских угодьях, взять под общественную охрану хищнически вырубаемый уникальный Белый Бор...

Сделать этого пока не суждено. Зверски убит Николай Устинов. Падут от рук колчаковцев и другие члены Лесной Комиссии вместе со своими добровольными помощниками из числа односельчан. Однако их самоотверженность, их высокая забота о народном благе останутся в наследство грядущим поколениям, отзовутся рачительным, бережным отношением наших современников к живой природе.

...Итак, еще один творческий виток и внутренняя перекличка с прежними произведениями. А дальше — новое возвращение к историко-революционной теме, к героям двадцатых годов в романе «После бури». Возвращение, но не повторение. Ибо, меняясь от книги к книге, Сергей Залыгин сохраняет завидное постоянство поиска.

Юрий ОСИПОВ

Историю Родины нужно знать, сынок! * Изразец печи XVII века из музея «Палаты бояр Романовых» * Век XVII — век XX.

19 НОЯБРЯ — ДЕНЬ РАКЕТНЫХ ВОЙСК И АРТИЛЛЕРИИ

Фото Л. ЯКУТИНА

19 ноября 1942 года залпы тысяч орудий возвестили о начале грандиозного наступления советских войск под Сталинградом. Именно с этим историческим событием связан праздник, ставший всенародным, — День ракетных войск и артиллерии. Советская артиллерия во многом обеспечила успех этой грандиозной военной операции. Современная артиллерия, используя новейшие достижения науки и техники, продолжает сохранять свое значение как одно из важнейших огневых средств поражения противника на поле боя.

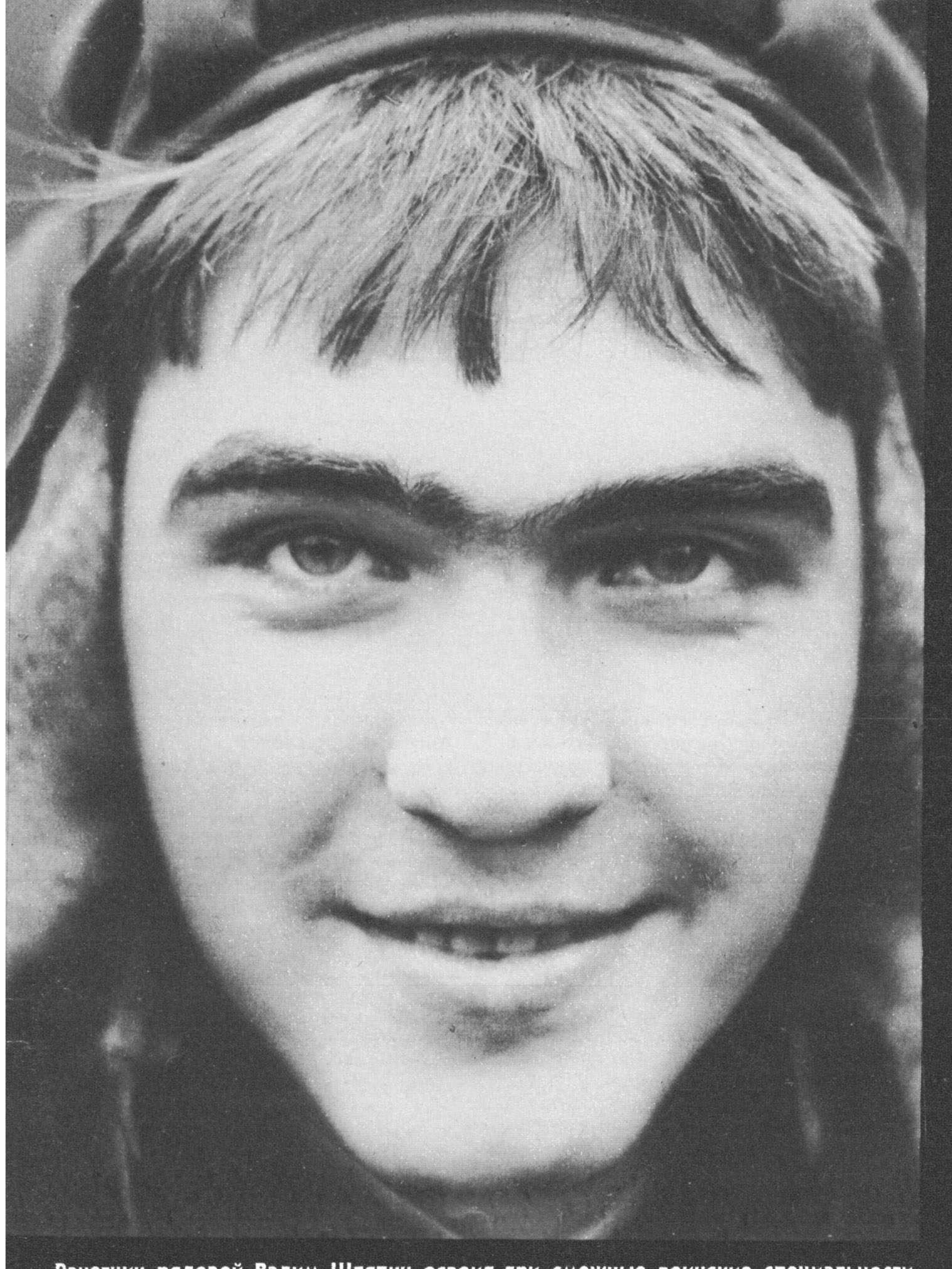
Ракетные войска стратегического назначения — детище научно-технической революции. Этот надежный щит нашей страны и всего социалистического содружества рождался в институтах и лабораториях крупнейших советских ученых. Служба в ракетных войсках требует от современного офицера и высокой идейной убежденности и обширных знаний в таких областях науки, как автоматика, телемеханика, электроника, баллистика, ядерная физика, математика, химия. На срочную службу в ракетные войска получают путевку юноши с высоким уровнем знаний по общеобразовательным дисциплинам.

НАД

Создание ракетно-ядерного оружия было ответной мерой нашей партии и правительства — это ответ на угрозу милитаристских кругов США и агрессивного блока НАТО развязать ядерную войну против социалистических стран. И сейчас ракетные войска стратегического назначения — мощное средство сдерживания агрессора, сохранения мира на планете.

Ю. СЕРГЕЕВ

Ракетчики на тренировке.

Ракетчик рядовой Вадим Шляпин освоил три смежные воинские специальности.

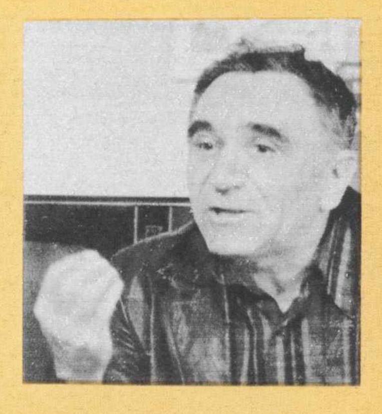

Гремят артиллерийские залпы.

ЕЖНЫЙ ЩИТ

На новую огневую позицию.

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный
деятель искусств РСФСР
Фото И. ГАВРИЛОВА

Постановку пьесы Киршона «Город ветров» осуществил Н. И. Басин.

История сама...

Повернуть ход истории вспять не дано никому, говорит партия коммунистов. Говорит народ. Потому говорит так уверенно и твердо, что самый ход истории нашей страны — дело жизни народа и партии... Самый ход истории не единожды, а многократно оплачен высочайшей ценой.

Именно об этом прекрасная пьеса В. Киршона «Город ветров», о подвиге бакинских комиссаров.

Постановка русского Большого драматического театра имени Качалова дает пьесе новую сценическую жизнь. Она не просто публицистична, не просто нравственно серьезна и глубока, это все как бы само собою подтверждается режиссерской мыслью Н. И. Басина, осуществившего сегодняшнее прочтение «Города ветров». Спектакль качаловцев делает и тебя, зрителя, как бы непосредственным участником всего происходящего на сцене.

...В зрительном зале тишина. Полная темнота. И вдруг в этом мрачном, глухом, напряженном безмолвии яростно гремит взрыв. Ослепительно вспыхивает сцена. И мгновенно заполняется предельно взволнованными, со всех сторон бегущими людьми.

Видишь каждого — жизнь, лицо, судьба и беда... Мужчины и женщины, старики и дети, нищие и богатые—все перемешалось, сместилось, спуталось. Сама история сдвинула людей с привычного, будто раз и навсегда заданного пути.

Внезапно и остро сменяющие одна другую массовки первого действия, будучи как бы прелюдией, мощным прологом к действию второму, искусно и тонко расчлененному режиссурой на отдельные, тесно между собою связанные героические судьбы бакинских комиссаров,— исчерпывающе определяют и необратимый, окончательный слом предреволюционного народного бытия.

Бакинские комиссары, их живой облик, их черты не теряются в этих многолюдных (в спектакле сто двадцать участников) массовых сценах.

Удивительно точно и емко вылеплен режиссером Натаном Басиным и артистом Евгением Кузиным главный, центральный в спектакле образ Матвея Гарояна...

Председатель Совета народных комиссаров показан Кузиным как личность незаурядная. Это деятель ленинской школы, человечный, отзывчивый и добрый. И столь же волевой боец партии. За его неколебимым вроде бы спокойствием в самые страшные минуты чувствуешь всем существом, как предельно напряжен каждый нерв Матвея Гарояна, собраны силы его души.

Стоя гибнут бакинские комиссары. Стоя, а не на коленях, как того требуют палачи, издеваясь и терзая безоружных людей, жертвующих собою для жизни народа, для блага людей. Для будущего.

Все это история. Ее ход. Неостановимый. Неподвластный обратному движению.

Рассказывая о подвиге бакинских комиссаров, спектакль качаловцев не впрямую, а именно изнутри, ассоциативно, обращаясь к каждому зрителю в отдельности, а в то же время ко всем нам вместе, проецирует в нашей памяти картины прошлого, связывает их воедино, раскрывая самую логику этих связей, их внутреннюю причинность: бескомпромиссное, резкое противостояние идей, принципов, взглядов...

Замечательно, что и сама сцена при всей несомненной убедительности именно бакинского, тонко прочерченного колорита (художник Э. Б. Гельмс) позволяет режиссеру держать так уверенно, глубинно вот эту общенародную, интернациональную ноту.

Очень изящно, тонким, хрупким контуром прорисованы на заднике силуэты нефтяных вышек. Но и сам Киршон, создавший эту пьесу, и режиссер Басин (кстати, родственник одного из комиссаров) — они оба знают, что Баку зовется именно так: Городом Ветров. И это не писательская выдумка. Это смысл. Определенный самой историей... Поэтому-то и вышки нефтяные смотрятся здесь, со сцены, словно сквозь ветер, сквозь облака...

И о том же говорит с нами музыка, которую написал композитор Ф. Аронс. Музыка редкостно мелодичная, впечатляющая. Дающая свою особую, точную, драматическую интонацию каждому эпизоду. И, разумеется, усиливающая общее звучание спектакля.

Его экспрессия неумолимо нарастает к исходу. К финалу. К сцене гибели бакинских комиссаров... А теперь, когда мы уже отчетливо различаем каждого героя даже в огромном народном действе, наша потрясенная душа содрогается за них, за их жестокую участь.

Матвей Гароян ничего не смог бы сделать, если бы не шли с ним об руку такие люди, как русский коммунист Пахомов — немолодой уже, рабочий человек. Его великолепный образ убедительно создает В. Казачек. Такие люди, как Пахомов, были и остаются живой опорой Советской власти. Выразительны коренные бакинцы: Джангир — Ю. Ильин и Вартан — А. Богданов; народный певец Ашуг — П. Маслов.

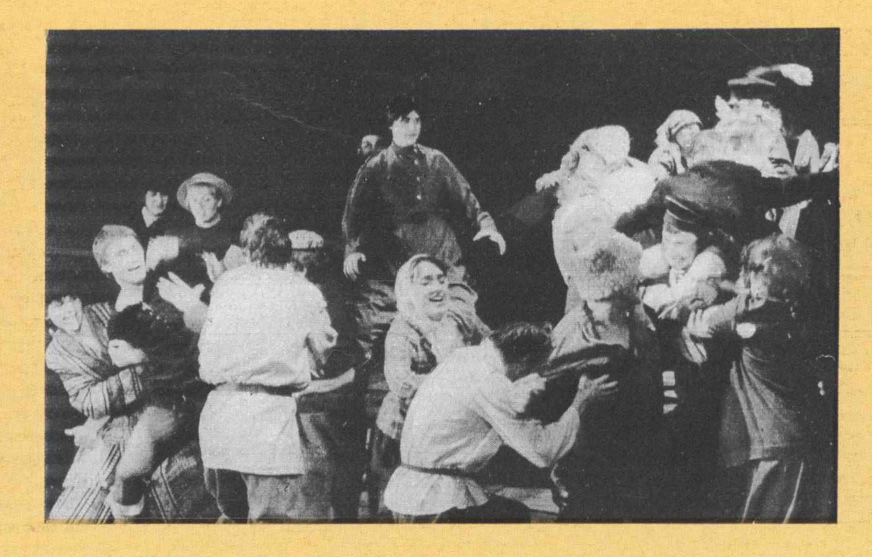
На расстрел и пытки пойдет русская девушка, профессорская дочка Маша, секретарь Совнаркома,— И. Марцинкевич. Любовь Маши к Вартану, их дружба, их верность в жизни и смерти вносят в спектакль еще одну прекрасную, романтичную и в то же время трагическую ноту. Да что говорить: здесь заметишь, запомнишь всех. И даже тех, кого полюбить простодушной зрительской любовью невозможно. Однако зрительская справедливость потребует назвать тех артистов, чьи персонажи жили другой жизнью, шли другими дорогами... Это Жамен, адвокат, эсер, сыгранный Ф. Пантюшиным; промышленник Каимбеков — Ю. Коршок; П. Бетев в роли генерала царской армии; английский генерал Мексон, палач и захватчик в остросовременном исполнении артиста Е. Кара-Гаура.

Еще одна, особая роль запомнилась в спектакле. Некая Долбикова. Русская, нелепо одетая женщина, схвачена с мешком хлеба. Несмотря на все попытки оправдаться, что-то объяснить, растолковать людям, она тут же забита, растерзана голодной, озверевшей толпой. Эту роль исполняет Светлана Зима. Актриса яркая, экспрессивная, она пронзительно-гневно, яростно защищает свою «героиню», запоминаясь там, где, собственно, и играть-то почти нечего. Но Долбикову — Зиму не забудешь.

Думаю, многие еще фамилии надо было бы тоже здесь назвать... Собственно говоря, все сто двадцать участников премьеры заслуживают благодарности и признания. Они создали яркое, сильное произведение искусства — современного, коммунистического... Всюду «Город ветров» будет волновать зрителя. И не забудешь его защитников, его героев... Вот они тесно стоят рядом. Не на коленях стоят. Молчат в замершей тишине зала. Они уже мертвы. Но мы не хотим в это верить. Они вечны.

Медленно, опускаясь сверху, огромный алый стяг прикрывает небо, нефтяные вышки. И еще отчетливее, выразительнее очерчивается на этом фоне, нет, не Памятник Комиссарам, а живая их жизнь. Живой их облик. Вписавшийся отныне в нашу жизнь.

Казань.

Фрагмент одной из массовых сцен спектакля.

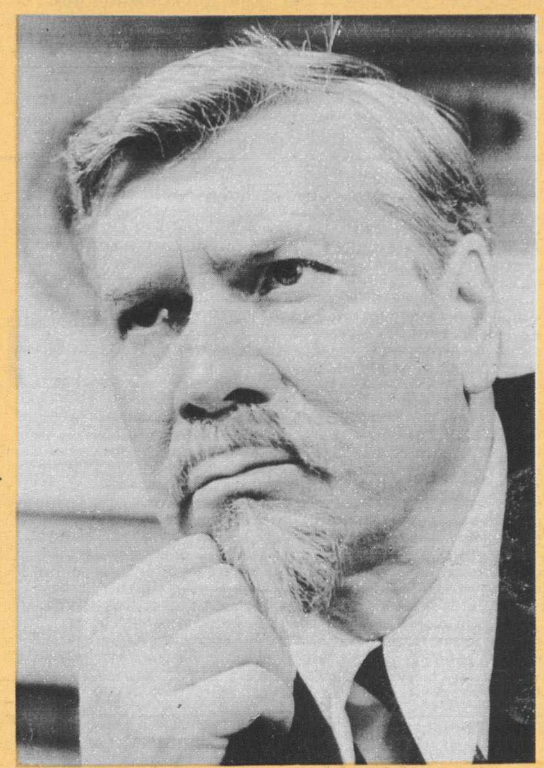

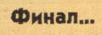
▲ Это уже не спор, не разногласия, это — схватка...

◄ Маша (И. Марцинкевич).

Председатель Совнаркома Матвей Гароян в исполнении Е. Кузина. ►

Финал...

Евгений ВИСТУНОВ

ПРИГЛАШЕНИЕ В ЗАПАДНЮ

У сионистов, замалчивающих все эти очевидные факты, нет повода их отрицать, и они ищут другие «убедительные» аргументы. На одной из встреч в Ленинграде с американскими журналистами мне был задан вопрос: «А почему в Советском Союзе никто не знает и не издают произведений израильского поэта Ури-Цви Гринберга, писателя Леона Юриса?»

Пришлось объяснять американцу, что в СССР расистские и шовинистические проявления преследуются, пришлось напомнить, что и Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций в 1975 году приняла резолюцию, осуждающую сионизм как угрозу миру и международной безопасности, как форму расизма и расовой дискриминации. «Простите,— перебил меня американец, не удовлетворенный, очевидно, «зачином» моего ответа.— А какое отношение имеют ваши законы и резолюции ООН к писательской свободе слова?» Понимая, куда клонит «любознательный» коллега, я ответил: «Самое прямое. Произведения Ури-Цви Гринберга и Леона Юриса насквозь пропитаны сионистским ядом. Они расистские, следовательно, направленные не только против СССР, но и против всего человечества...» Американец не унимался: «Доказательства?» Пришлось обратиться к записной книжке, прочесть выдержку из некролога, опубликованного израильской прессой по случаю смерти Ури-Цви Гринберга: «Подобно древним пророкам Ури-Цви не признавал компромиссов. Если он говорил об освобождении страны, он имел в виду всю Эрец-Исраэль — от Нила до Евфрата...» Далее говорилось об активной политической деятельности Гринберга, которая сделала его в глазах многих провозвестником «еврейского фашизма».

Американец развел руки и снисходительно признал: «Убедили! Книги Ури-Цви я, правда, не читал, но фашизм мне ненавистен...»

Этот спор-диалог с заокеанским журналистом я привел лишь потому, что он проливает свет на один из тактических приемов сионистской пропаганды: всячески превозносить деятелей литературы и искусства, прямо или косвенно поддерживающих сионизм, и, не жалея черной краски, охаивать, подвергать травле тех, кто не разделяет его расистскую идеологию и тем более если выступает против нее.

Эту тактику сионизм применяет в странах Старого и Нового света, где он имеет широкую сеть и своих средств массовой информации и обладающее реальной силой сионистское лобби во многих других издательствах, редакциях газет и журналов, на радио и на телевидении. Эта тактика изощренно проводится и по отношению к творчеству советских писателей, художников, композиторов, к истории нашей страны и советскому образу жизни. Громкое паблисити, льстивое восхваление, а если интересы сионизма требуют, то и издание на русском и европейских языках обеспечено тем произведениям, которые можно истолковывать как направленные против «советской официальной доктрины», «эзоповым языком критикующие социалистический строй».

Приведу один из многочисленных примеров. В одной из сионистских брошюр, попавших мне на глаза в зарубежной поездке, автор живописует картины художника из Риги Иосифа Кузьковского, позже выехавшего в Израиль. Сионистская идея об исключительности евреев, их превосходстве «лезет» с каждой страницы этого расистского опуса, как шерсть из дохлой кошки. Походя и в развернутых до обобщений «документальных» историях автор старательно мажет дегтем все русское, все советское — от традиций и обычаев до характеров. Даже грузинские евреи воспринимаются им как «неполноценная раса», начисто лишенная интеллекта «богоизбранных сынов Сиона».

Международный сионизм возлагает надежды и на разжигание религиозных чувств советских евреев. По многочисленным поездкам в СССР, свободному общению с раввинами синагог и верующими визитеры из-за рубежа, конечно же, отлично знают, что в нашей стране исповедование иудаизма, как и всех других религий,— дело совести любого советского гражданина, что это право не только провозглашено, но и гарантировано Конституцией СССР. Но сионистским центрам Запада в своих политических целях выгоднее толковать иудаизм не просто как религию, а как нечто необозримо большее, вбирающее в себя и реакционные ветхозаветные догматы «богоизбранности», «расового превосходства» евреев, «обреченности» их на вечные гонения и традиции «национального отчуждения». Первый президент Израиля Вейцман, снискавший себе славу виднейшей фигуры в международном сионизме, утверждал: «Наш иудаизм и наш сионизм обоюдно обусловливают друг друга, нельзя предать забвению одно, не разрушая в то же время другого». Вот почему сионистские дирижеры идеологических диверсий против СССР так настойчиво рекомендуют включать в программу изучения советскими евреями, кроме древнееврейского языка и культуры, также и основ иудаизма. Цели здесь преследуются далеко идущие и политически четко выверенные: на благодатной почве националистических настроений посеять семена неверия в коммунистические идеалы, подтолкнуть людей к оппозиции социалистическому строю. Подобная программа направлена на противопоставление советскому образу жизни эгоистических устремлений, индивидуализма, культа частнопредпринимательской деятельности.

Сионистские провокаторы далеко не каждого, попавшегося в их сети, посвящают в свои тайные планы. На словах защищая якобы попранные в СССР права евреев, склоняя их к выезду в Израиль, они не скрывают, что те нужны сионистам здесь, в СССР, но, разумеется, в определенной роли.

В одном из писем-инструкций, тайно перевозимых через границу «доверенному лицу» в Ленинграде, эта роль определяется так: «Главное — поднимайте шум по любому поводу. И как можно громче. Не ждите подробностей, по каким причинам кому-то отказано в визе. Говорите везде, сообщайте нам с первой же оказией, что отказ беззаконен, бесчеловечен, потому что желавший выехать тяжело болен, живет впроголодь, что он хотел бы умереть только в Эрец-Исраэль... Всячески поощряйте подачу заявлений о выезде, подателям советуйте как можно дольше уклоняться от получения официального разрешения. Если их уволят с работы или примут другие дискриминационные меры, если они сами уволятся или по каким-то причинам заслужат наказания,— будет только на пользу нашему делу... Ваше молчание на Западе могут расценить за нежелание действовать...»

В другом инструктивном письме дается такой совет: «Наша установка одна: Эрец-Исраэль, сионизм, еврейский народ неразделимы. Кто в СССР против какой-то части этого триединства, тот против этого всего целого. Если вы решились вернуться на родину, не стесняйтесь защищать ее любыми доступными вам средствами».

Правда, к подобного рода письменным инструкциям сионистские центры прибегают не часто. Письмо — все-таки улика. Попавшее не по назначению, оно раскрывает карты сионистов, неопровержимо разоблачает их преступные намерения.

Другое дело — визиты в СССР сионистских эмиссаров. Ведь они едут к нам чаще всего под личиной туристов. А следовательно, могут общаться с лицами, представляющими для них интерес, обладая опытом психологической обработки, пустить пыль в глаза идеологически неустойчивым людям.

Судя по числу «посланцев» уже упомянутой «Национальной конференции», задержанных в СССР с поличным, ее шефы делают ставку именно на «живую» пропаганду сионизма, на непосредственные контакты с заранее намеченными «объектами».

Одними из таких визитеров были Гарольд Гринберг и его супруга Эйлин. Они прибыли из США в СССР, дабы «посмотреть» Москву, Ленинград, Киев и Одессу. Для чего? Ответ

Окончание. См. «Огонек» № 46.

на этот вопрос содержится в их записных книжках с десятками адресов, по которым надо обязательно побывать, тайно привезенное передать, приготовленное для них получить. Да еще провести инструктивные беседы о том, какую информацию об СССР ждут за океаном, что нужно сделать до приезда следующего сионистского визитера.

Супруги Гринберг поистине проявили выносливость марафонцев. Поездки по адресам, представлявшим интерес для «Национальной конференции», а также и спецслужб США, продолжались с первого до последнего дня их индивидуальной туристской путевки. Им казалось, что успех надежно обеспечен. Он уже в кармане, точнее, в сумке с двойным дном, в ботинках неутомимого Гарольда и в самых интимных предметах туалета такой же, как муж, неутомимой Эйлин.

«Победа» ускользнула из рук на самом финише — в шереметьевской таможне. Ее сотрудники обнаружили в обуви Гринберга и в вещах его жены фотопленки с переснятыми текстами клеветнических измышлений об СССР, адресами и фамилиями лиц, с кем в будущем стоило поддерживать контакты, другими словами, продолжать «работу». Но, пожалуй, самое неожиданное оказалось запрятанным в сумке с двойным дном. Позже специалисты дали заключение: изъятая из нее статья с фотографиями, графиками, схемами посвящена проблемам ядерной физики...

Сил, оставшихся у Гринбергов после этого турне, хватило ровно настолько, чтобы устроить на таможне скандал. Самый что ни на есть хулиганский.

Провал миссии супругов Гринберг и других эмиссаров «Национальной конференции» не охладил антисоветский пыл ее лидеров. А после избрания Рейгана президентом США и провозглашенного им «крестового похода» против коммунизма даже наоборот — вдохновил на новые авантюры и провокации.

Сионистская печать США и других стран, особенно Израиля, с удовлетворением отмечает, что за время пребывания в Белом доме «Рейган произнес больше произраильских речей, чем любой другой президент США до него». В мае 1981 года он устроил аудиенцию уголовному преступнику, террористу-сионисту Менделевичу, осужденному в Ленинграде за уже упоминавшуюся попытку вместе с другими преступниками вооруженного захвата и угона самолета Аэрофлота, после отбытия наказания выехавшему на Запад.

При этом Рейган заявил о безусловной поддержке нынешней администрацией Белого дома происков сионистов против СССР, а его тогдашний помощник по национальной безопасности Ричард Аллен выступил со специальным заявлением на эту тему на сионистском сборище в Нью-Йорке.

Не осталась в стороне от этого антисоветского шабаша и «Национальная конференция». Вместе с пресловутой террористической «Лигой защиты евреев» и другим сионистским отребьем она организовала дебош у представительства Аэрофлота в Нью-Йорке, участвовала в нескольких хулиганских акциях в отношении персонала посольства СССР в Вашингтоне.

После некоторого шока, вызванного провалами в СССР эмиссаров «Национальной конференции», их засылка в нашу страну снова участилась. В аэропорту Пулково была задержана с идеологической контрабандой функционерка этой сионистской организации Констанс Смуклер. Как и супруги Гринберг, «туристка» Смуклер «работала», как говорится, на износ: не позволяла себе ни минуты отдыха. На любезные предложения сотрудников «Интуриста» побывать в прославленных на весь мир музеях, театрах, ознакомиться с достопримечательностями столицы и города на Неве она неизменно отвечала коротким и выразительным: «Ноу!»

Зато общий язык Смуклер сразу же нашла с теми, ради кого и пересекла Атлантический океан,— отщепенцами, поставляющими Западу клеветнические материалы о Советском Союзе. Переснятые ею на фотопленку, записанные на ленту портативного магнитофона, они были изъяты у Смуклер при таможенном досмотре. Точно так же, как это произошло несколько лет назад, когда приезжал из США ее муж, председатель филиала «Американской национальной конференции» в Филадельфии.

Вот уж поистине два сапога — пара...

Еще одним визитером «Национальной конференции» оказался не кто иной, как сам ее исполнительный директор Джерри Гудман, живущий в Нью-Йорке на фешенебельной 5-й авеню. Как и подобает организатору провокаций, приезд свой в СССР он продумал до мелочей. Наверняка не случайно Гудман запасся магнитофоном, который даже искушенный в этом деле человек не отличит от записной книжки, и миниатюрными кассетами, которых могло бы хватить для записи всех адресов и фамилий, напечатанных в телефонных книгах Москвы и Ленинграда.

Однако телефонные книги Гудмана не интересовали. Он и без них, хотя был в нашей стране впервые, знал, как и куда позвонить и быстрее доехать. Знал и то, что в Ленинграде был осужден некто Л. за деяния, которые строго преследуются законом в любом государстве,— оказание сопротивления людям, стоящим на страже общественного порядка.

Л., человек с высшим образованием, сопротивлялся очень неинтеллигентно. Как последний дворовый хулиган, он ударил милиционера ногой в живот. И свидетели и медицинская экспертиза подтвердили: да, именно так оно и было. Народный суд отнесся к преступнику гуманно, осудив его на два года лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду.

Казалось бы, какое дело до этого заокеанской сионистской организации? Какое право имеет она вмешиваться в решение суда суверенного государства?

Сионистов эти элементарные вопросы не волнуют. Раздувание на основе подобных «фактов» мифа о преследовании евреев в СССР — основа основ большей части идеологических диверсий сионизма против нашей страны, провокационных кампаний, клеветнических материалов в печати.

Гудман искал в СССР именно таких «сенсаций»: «нарушение прав человека», а уж если быть совсем точным — «преследование евреев». Иначе он не поехал бы к людям, которые, польщенные столь высоким вниманием «заокеанского заступника», красочно живописали «насилие» над Л. Поднаторевший на фальсификациях и клевете Гудман попросил у них иллюстративный материал. Ему показали фотографии из зала суда: Л. стоит между двумя милиционерами, на другом снимке — руки у него за спиной.

Неизвестно, чем расплачивался за эти кадры Гудман. Возможно, получил их как подарок. Главное, остался ими очень доволен. Тем более что, кроме фотографий, ему удалось получить кое-что и другое, вполне подходящее для стряпни очередной «утки» на кухне антисоветизма.

Кроме собственных печатных изданий, «Национальная конференция» (как, впрочем, и другие «солидные» сионистские организации США) широко пользуется и другими, так называемыми неправительственными средствами массовой информации — этими рупорами дезинформации общественного мнения и распространения клеветы на советскую действительность. Один из таких рупоров — радиостанция «Голос Америки», охотно предоставляющая руководству «Национальной конференции» свои короткие волны для «длинной» лжи о нашей стране.

В июле прошлого года в одной из вечерних передач «Голос Америки» сообщил о состоявшемся в Вашингтоне заседании подкомиссии по гражданским делам палаты представителей. Заседание было посвящено «слушанию вопроса о положении евреев в Советском Союзе». В качестве свидетелей на этом антисоветском сборище выступили председатель «Национальной конференции» Теодор Ман и некто «ученый-историк доктор наук Уильям Корри».

О чем же «свидетельствовали» сии сионистские мужи — юрист и историк? Говоря языком уголовного кодекса, они не свидетельствовали, а лжесвидетельствовали. Дабы не быть голословным, приведу дословно некоторые их пассажи. «Официальная советская идеология относится враждебно ко всем религиям, однако нападки на еврейскую религию в печати занимают главное место». Это «может быть объяснено как часть общей антисемитской кампании советских властей».

Воспользовавшись затасканным сионистской пропагандой приемом — навешивать ярлык антисемитизма на любое критическое выступление советской прессы против иудаизма с позиций научного атеизма,— лжесвидетели не остановились на этом. Уж врать — так врать! Если, как говорится, бумага все стерпит, то радиоволны — тем более. «В Советском Союзе,— входя в раж, продолжали они,— систематически издающиеся массовым тиражом брошюры изображают евреев как кровожадных человеконенавистников, стремящихся поработить весь мир».

Нет нужды комментировать или оспаривать эту кощунственную ложь. Но о том, из каких сионистских инстанций она исходит, на чьи официальные заявления опирается, напомнить все же надо.

Сионистская пропаганда, ее средства массовой информации, сионистские центры, подобные «Национальной конференции», не жалеют ни сил, ни средств на раздувание лжи о якобы существующем в СССР антисемитизме. Эта ложь преследует далеко идущие цели, истинную суть которых даже не пытались и не пытаются скрывать сионистские лидеры разных поколений. «Постепенное исчезновение антисемитизма,— утверждал бывший председатель Всемирного еврейского конгресса Гольдман,—может оказаться новой опасностью для общееврейского дела». Еще более определенно о пользе антисемитизма «для общееврейского дела» сказал сионистский теоретик Шарун: «Могу гарантировать, что антисемитизм в 10 тысяч раз эффективнее влияет на переселение евреев в Израиль, чем тысячи эмиссаров и призывов об увеличении эмиграции». Комментируя это откровение апологета антисемитизма, советский драматург и публицист Цезарь Солодарь приводит такую бытующую в сионистской среде циничную поговорку: «Если бы антисемитизма не было, его пришлось бы выдумать».

«Доказательства», говоря словами уже упоминавшегося в статье Теодора Мана, «общей антисемитской кампании советских властей», фабрикуются по давно сложившемуся стереотипу, без оглядки даже на правдоподобие фактов. Как правило, прежде всего нужна конкретная фамилия советского гражданина еврейской национальности, который бы в соответствии с законами нашей страны предстал перед судом за какие-нибудь неблаговидные дела. Какие — не имеет никакого значения. Важен сам факт привлечения к уголовной ответственности, что на языке сионистской пропаганды должно прозвучать на весь мир как «гонение», «ущемление прав», «дискриминация» и тому подобное. Желательно, чтобы этот факт в выгодном для сионистской пропаганды свете прокомментировал кто-либо из родственников или знакомых осужденного. Набор «доказательств» будет полностью соответствовать стереотипу, если ко всему этому удастся добавить какой-либо иллюстративный материал: фотокопии писем, обращения «гонимого» с просьбой о защите в международные организации или хотя бы в официальные советские, фотографии его самого или семьи, дома или квартиры, где он жил, здания суда, где выносился приговор. Для окончательной «аранжировки» готовящейся «сенсации» требуется совсем немногое: опытное антисоветское перо, если речь идет о статье для прессы, продуманное режиссерское решение, дикторский текст — для радио- или телевизионной передачи.

Мне, как журналисту, пишущему в том числе и на правовые темы, не раз доводилось бывать на судебных процессах, знакомиться с материалами уголовных дел. В 1978 году Ленинградский городской суд в открытом судебном заседании рассмотрел уголовное дело о контрабандном вывозе из Советского Союза за рубеж ценнейших произведений живописи, графики, старинных икон, коллекций монет, редчайших антикварных вещей, являющихся достоянием русской национальной культуры. Всеми правдами и неправдами добывала эти духовные ценности — выманивала у доверчивых людей или закупала — шайка деляг, движимых лишь одной страстью: жаждой наживы. У каждого из них были свои планы дальнейшего применения огромных ценностей, оцениваемых даже не десятками, а сотнями тысяч рублей. Одни рвались к накопительству, чтобы потом, нигде не работая, окунуться в «сладкую жизнь», другие — чтобы, контрабандно переправив ценности за рубеж, выехать в Израиль. И уж там пожить так, как обещал еврейской буржуазии Теодор Герцль, заглядывая в будущее еврейского государства: «Богатым евреям, принужденным теперь прятать свои сокровища и пировать при опущенных шторах, там можно будет свободно наслаждаться жизнью».

К числу таких, кто мечтал попировать не при опущенных шторах, относилась и подсудимая Гуткина, искусствовед по образованию, член Союза художников СССР. В шайке расхитителей достояния страны она играла видную

роль: никто, кроме нее, не мог по достоинству оценить приобретаемые произведения искусства, никто, кроме нее, не знал, у кого они есть и как подступиться к этим людям.

Хорошо зная творчество интересного советского художника Филонова, Гуткина познакомилась с его сестрой, а через нее и с ее племянницей, хранившими немало работ своего талантливого родственника. Войдя в доверие к ним, предприимчивая Гени Борисовна сделала цветные слайды произведений и тайно переправила их за рубеж. Как выяснилось на следствии и суде, сделано это было чисто из деляческих соображений: доверенные Гуткиной люди должны были устроить бум вокруг малоизвестных и совсем неизвестных Западу работ художника, и как на бирже, искусно поднять цены на них.

Не имея достаточных средств для приобретения работ Филонова, Гуткина затевает аферу: находит людей, собирающихся выехать в Израиль, и предлагает им войти в «долю»: дескать, ваши деньги — моя «обработка» родственников Филонова. И отправка за рубеж приобретенного тоже за ней, Гуткиной. Убедив совершенно несведущих в живописи людей в том, что (привожу дословно показания Гени Борисовны) «Филонов выше Малевича и Шагала, что он во многом предопределил искания в искусстве на Западе, я получила от Г. первую порцию денег — семь тысяч. Он долго расспрашивал меня, а какие гарантии, что деньги окупятся, не пропадут, и тогда я повезла его на свою квартиру. Здесь я показала ему «Натурщицу» — женщину в тюрбане, исполненную в желтовато-коричневой гамме. Реалистическая манера этой работы понравилась Г., и вскоре я получила от него еще десять—двенадцать тысяч рублей. Всего он мне передал около тридцати тысяч, на которые я приобрела одиннадцать работ Филонова: «Абстрактная композиция», «Переселенцы», «Октябрь», акварели «Рыба», «Голова», «Баба», «Пейзаж», «Атланты» и другие».

Из показаний подсудимого из этой же преступной группы — Е. Э. Бравого: «Мы все не доверяли друг другу, перепроверяя любую намеченную сделку. Когда брат моей жены Евгений Варшавский оформил документы на выезд в Израиль через Вену, мы собрались на моей квартире. Были Гуткина, ее родственница Раиса Рыбакова, Варшавский и я. В который раз шел деловой разговор, кто и что получит из того, что уже переправлено в Вену и хранится там до нашего приезда. Варшавскому дали нужные адреса, Гуткина просила его подольше задержаться в Вене, тщательно, но не привлекая внимания, проверить, не разбазаривают ли полученное контрабандным путем доверенные нам люди».

Нет нужды более подробно рассказывать о дальнейших перипетиях этого уголовного дела, о вранье отщепенцев и подонков, готовых продавать Родину оптом и в розницу, и их циничных откровениях. Как и в жизни, так и в «деловых» отношениях между собой, на судебном процессе все они лгали и изворачивались, сваливали свою вину на других. Лишь в одном не грешили против истины — в том, что израильские шекели и американские доллары, западногерманские марки и английские фунты стерлингов темной пеленой застили от них жизнь.

Гуткина и ее сообщники получили по заслугам. Но вспомнился мне этот судебный процесс далеко не случайно. В последнее время все чаще и назойливее имя Гуткиной стали склонять разные радиоголоса Запада. Обращения в ее защиту, выдержанные в антисоветском духе, с клеветническими измышлениями о советском судопроизводстве были обнаружены при таможенном досмотре и у сионистских эмиссаров.

Сионисты нашли и лжесвидетелей, клятвенно подтверждавших, что Гуткина якобы не расхититель художественных ценностей Советского Союза, а невинно пострадавший человек, «жертва советского режима». Одна из них — выехавшая в Израиль, но обосновавшаяся в американском городке Сан-Антонио Раиса Рыбакова. Та самая родственница Гуткиной, которая выступала свидетелем на судебном процессе. Другой — бывший ленинградец и, как величают его радиоголоса Запада, «известный художник» Яков Виньковецкий, тоже осевший в США и устроившийся на поденную работу в компании «Эссо».

По подсказке сионистских режиссеров антисоветских акций лжесвидетели не скупятся на слезу по «несправедливо и бесчеловечно» осужденной Гуткиной, «известного искусствоведа и критика, оставившего заметный след в культурной истории Ленинграда». В одной из июльских 1982 года передач «Голос Америки» устами Рыбаковой и Виньковецкого бессовестно лжет, заявляя, что Гуткиной «двигала не жажда наживы, как это утверждают советские средства массовой информации, а желание сохранить собранные ею произведения искусства».

Вот так: с ног на голову! Контрабандно переслать за рубеж, заранее обговорить с компаньонами-преступниками условия дележа, назначить цены, по которым доверенные Гуткиной люди могли бы без нее продать картины и иконы,— все эти махинации, оказывается, не что иное, как стремление «сохранить произведения искусства».

В нашей стране тысячи любителей и знатоков искусства имеют богатейшие собрания живописных, графических работ, музейной ценности антикварные коллекции. Часть из них переходит из поколения в поколение, часть, согласно доброй и благородной воле собирателей, передается для всеобщего обозрения в музеи. В необходимых случаях государство проявляет заботу даже о том, чтобы выделить коллекционеру дополнительную и неоплачиваемую жилплощадь, необходимую для лучшей и надежной сохранности собранных произведений искусства.

Знают ли об этом зарубежные «адвокаты» уголовной преступницы Гуткиной? Конечно же, знают. Однако какое им дело до нашей реальной действительности. Все средства хороши, когда надо опорочить ее, организовать очередную идеологическую диверсию против социалистического государства.

Так рождаются антисоветские «сенсации». Так фабрикуются фальшивки. Так миллионам несведущих людей навязывается миф о преследовании в СССР евреев только за их национальную принадлежность.

Характерная особенность таких «уток-сенсаций» — возведение «преследуемых», «отверженных в Советском Союзе» в ранг «гениальных», «талантливых», на худой случай — «известных писателей, художников, артистов, режиссеров»... Прибегая к подобной фальсификации, сионистская пропаганда пытается убить сразу даже не двух, а трех зайцев. Назвав какую-нибудь самовлюбленную бездарь или человека весьма скромных способностей «талантливым», «известным» и так далее, сионистские «защитники прав человека в СССР» пытаются дать понять, что в нашей стране якобы не ценят людей по их истинным заслугам, что подлинное признание они могут получить только в «свободном мире», что, наконец, им предстоит сделать выбор: оставаться в Советском Союзе «изгоем» или покинуть его.

Я расспрашивал многих ленинградских художников, знавших Гуткину по ее работе в Художественном фонде. Что же она сделала как «известный искусствовед и критик», какой «заметный след» оставила в культурной жизни Ленинграда? Ответы были однозначны: ни одного ее исследования, ни одной статьи в журнале или газете никто и никогда не видел; произведения искусства она не ценила, а оценивала: купить — подешевле, продать — подороже.

Намного труднее оказалось навести справки об «известном ленинградском художнике» Якове Виньковецком. Имя его не значится ни в одном из адресных справочников Союза художников СССР. Не припоминают такого и ленинградские художники разных поколений. «Может быть, он был талантливо начинающим,— настаивал я,— но обойденным вниманием коллег и критики?» Вспомнили кое-кого и из таких, но Виньковецкого даже из самых дальних закоулков памяти так и не «выскребли». Позже мне удалось узнать, что Виньковецкий действительно проживал в Ленинграде, по образованию горный инженер, он художник-любитель, немного занимался живописью. Судя по всему, и «свободный мир» таланта живописца в нем не обнаружил. Иначе Виньковецкий не пробавлялся бы в США поденщиной в фирме «Эссо», занимающейся обслуживанием автомашин...

В декабре 1981 года по приглашению Советского комитета защиты мира в Москве и Ленинграде побывала израильская делегация, в составе которой был и депутат кнессета от блока Маарах раввин Менахем Акоэн. По возвращении в Израиль он поделился впечатлениями о поездке с корреспондентом журнала «Израиль сегодня». В частности, корреспондента интересовало: «Была ли у вас возможность встречаться с евреями, желающими выехать из Советского Союза?»

«Да, нам никто не мешал,— ответил раввин.— Я ездил на встречи с ними, они приезжали к нам в гостиницу. Мы беседовали и с отдельными людьми и с группами, виделись днем, вечером, ночью...»

К чести раввина, в своем ответе на этот вопрос он не пошел на поводу у сионистской пропаганды. Будь иначе, пришлось бы и ему, вопреки истине, утверждать (как это обычно делают сионистские эмиссары), что он лишь тайком виделся с советскими евреями, что в СССР за один только «разговор на древнееврейском могут посадить в тюрьму».

А может быть, это всего-навсего пропагандистский прием сионистского журнала, опубликовавшего интервью: маленькой правдой прикрыть большую ложь о «бесправном положении евреев в СССР»? Ту грязную, беспардонную ложь, те факты, вывернутые наизнанку соответствующим комментарием, те сплетни и слухи, выдаваемые за подлинные события, без которых не обходится ни одна идеологическая диверсия сионистов против Советского Союза и других социалистических стран.

по следам наших выступлений

В журнале «Огонек» № 37 был опубликован материал В. Енишерлова и Ю. Осипова «Парадоксы тенниса», в котором затрагивались различные вопросы развития тенниса в нашей стране. Публикуя полученное редакцией письмо заместителя председателя Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР Н. И. Русака, «Огонек» надеется еще вернуться к проблемам этого вида спорта.

«Спорткомитет СССР считает, что журнал своевременно поднимает вопросы дальнейшего развития тенниса, роста мастерства спортсменов, улучшения материальной базы, увеличения количества и повышения качества спортивной формы и инвентаря, расширения международного календаря.

В настоящее время решен вопрос об участии советских теннисистов в крупнейших международных турнирах. Разработаны новые образцы теннисных ракеток улучшенного качества, ракеток для мини-тенниса, увеличивается и улучшается качество теннисной спортформы. Построены новые теннисные площадки в Адлере, Юрмале, Ереване, Красноярске и других городах, созданы центры олимпийской подготовки РСФСР и Москвы.

Налажен регулярный выпуск учебных кинофильмов по технике и тактике тенниса, разработан и внедряется в практику методический программный материал «Единые контрольные требования по технике и тактике тенниса для олимпийского резерва».

Совершенствуются календарь соревнований и система их проведения. Введена новая, более объективная система определения соревновательной подготовки спортсменов. Разработаны и внедрены методы оценки технико-тактической подготовки.

В целях развития массовости тенниса и подготовки советских теннисистов к Олимпийским играм в Спорткомитете СССР разработана комплексная целевая программа.

В настоящее время руководством Комитета и Президиумом Федерации тенниса СССР принято решение рассмотреть в IV квартале текущего года на коллегии Спорткомитета СССР и пленуме Федерации тенниса СССР вопрос «О массовом развитии тенниса в стране и подготовке советских теннисистов к Олимпийским играм».

Ян Вилденс. 1586—1653. ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ С ОХОТНИКОМ. Дрезденская картинная галерея.

Антуан Пен. 1683—1757. АВТОПОРТРЕТ.

Дрезденская картинная галерея.

Виктор ПРОНИН

УЧИТЫВАЯ ТЯЖЕСТЬ СОДЕЯННОГО...

ВОСЕМЬ ЛЕТ НАЗАД, В СЕНТЯБРЕ 1975 ГОДА, ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ЖУРНАЛИСТКЕ ВАЛЕНТИНЕ ГАЙДУЧЕНКО БЫЛО ПРЕДЪЯВЛЕНО ОБВИНЕНИЕ В УБИЙСТВЕ МАТЕРИ. Состоявшийся через несколько месяцев суд признал ее виновной и приговорил к десяти годам лишения свободы. Еще до завершения следствия Гайдученко исключили из партии, из Союза журналистов, и, наверно, что не менее важно, само собой состоялось исключение из числа честных людей.

Надо согласиться, что есть преступления и преступления. Можно забраться в чужой карман, украсть мешок цемента на стройке или переставить запятую в отчетной ведомости. Все это, конечно, заслуживает осуждения, и для подобных деяний предусмотрены статьи Уголовного кодекса. Но убийство матери — тот крайний предел, за которым человек уже перестает быть таковым, та степень падения, ниже которой нет ничего. Валентину Гайдученко многие знали в городе, но даже те, кто никогда о ней не слышал, не жалели крепких выражений, узнав о злодейском преступлении на проспекте Героев — более шестидесяти кровоподтеков насчитали эксперты на теле старушки.

Случай по всем показателям из ряда вон. Надо ли говорить о том, что уже его исключительность потребовала от всех юридических работников самого пристального отношения к делу, самого тщательного исследования всех деталей, всего, что сопутствовало преступлению, что ему предшествовало. В самом деле, человек, добившийся определенного положения в обществе, почти два десятка лет проработавший в печати, выступавший по самым различным хозяйственным, нравственным, социальным вопросам, вдруг совершает продуманное убийство. И кого убивает — собственную мать!

Первое ощущение — неверие. Что угодно, самое дикое стечение обстоятельств, нагромождение косвенных улик, разночтение показаний,— что угодно, но сразу поверить... Нет, невозможно.

Как известно, законы представляют собой сжатое выражение нравственности народа, его обычаев, его святынь. Наши законы за подобные преступления предусматривают самые жесткие наказания. Это справедливо, и приговоры в таких случаях встречаются, как говорится, под аплодисменты зала.

Несколько слов о матери Валентины — Елизавете Ивановне Мусиенко. Мать и дочь жили вместе давно, можно сказать, что они всегда жили вместе, других родственников не было, и это во многом определяло их отношения. Бывали времена, когда у них не было иного жилья, кроме места в общежитии, выделенного Валентине, и они спали на одной кровати. Бывали еще более тяжелые времена, довоенные, когда умерли родные люди, затем на фронте погиб муж. После войны Елизавете Ивановне приходилось за сотни километров ездить за продуктами в переполненных поездах, у нее, случалось, отнимали эти продукты, ее саму выбрасывали на ходу из поезда, както бандиты забрались в дом и унесли все съестное, а сама она чудом осталась жива. Все это не могло не оставить следа в душе женщины, собственно, это были самые сильные потрясения, ставшие частью ее внутреннего мира. С годами отходило, забывалось второстепенное, незначительное, и все большее место занимали воспоминания о перенесенных трудностях, когда каждый день стоял вопрос о жизни и смерти.

Шло время.

Валентина окончила университет, получила направление в газету, вышла замуж. Переехали в новую квартиру. Жили все вместе. Вырос сын, Валентина уже работала в республиканском журнале, а мать, мать состарилась, подолгу лежала в больнице. Иногда теряла сознание и падала прямо на улице, дома, на лестничной площадке. Елизавета Ивановна уже не всегда отвечала за свои действия, не всегда знала, где она и что с ней происходит. Давние воспоминания стали основными, едва ли не единственными, а страх голода вернулся в ее больное сознание в искаженном, смещенном виде. Кстати, это заболевание хорошо известно психиатрам и не вызывает у них большого удивления. Во дворе, сидя на скамейке рядом с соседками, женщина могла попросить кусок хлеба у человека, идущего с буханкой, видя сочувствие соседок, иногда сетовала: дескать, не ела сегодня. Те горестно кивали головами, причитали, но в общем-то знали цену словам Елизаветы Ивановны.

Наступило 19 сентября 1975 года. Пусть никого не смущает давность даты — события, начавшиеся в тот день, продолжаются и поныне. Как рассказывает Валентина, она занималась по хозяйству, мать лежала в своей комнате. Зайдя к ней в очередной раз, увидела, что с матерью что-то происходит. Оказалось, та выпила глоток нашатырного спирта, которым растирала больные суставы. Валентина немедля вызвала «Скорую помощь». Приехали врач Л. А. Лыскова и два фельдшера — Б. В. Забора и В. Г. Квасневский. Мать рассказала о случившемся, но жжение во рту усиливалось, и говорить ей стало трудно. Врач прослушала больную, фельдшеры сделали промывание желудка. Поскольку мать все это время сидела, на стуле ее и вынесли во двор, поместили в машину и доставили в 16-ю городскую больницу. Через четыре дня она скончалась. Полчаса реанимационная бригада боролась за ее жизнь, но все было напрасно. В седьмом часу утра прекратилось дыхание, остановилось сердце. После вскрытия был установлен диагноз: распространенный атеросклероз, с преимущественным поражением сосудов головного мозга и сердца, гипертоническая болезнь, инсульт и так далее.

Однако до этого печального акта произошли некоторые события. Врач, который должен был делать вскрытие, обнаружил, что труп покрыт синяками. Заподозрив неладное, вызвал следователя. Им оказался Н. Ф. Чекалин. Человек решительный, деятельный, он сразу понял, что произошло убийство. Выезд на квартиру В. В. Гайдученко, обыск, задержание. Свою точку зрения на происшедшие события Николай Филиппович выразил в первых строках первого документа, который ему по долгу службы пришлось составить,— в постановлении о возбуждении уголовного дела: 19 сентября 1975 года в 10 часов утра В. В. Гайдученко нанесла своей матери Е. И. Мусиенко удары в области головы и тела, после чего Е. И. Мусиенко каретой «Скорой помощи» доставлена в городскую больницу, где 23 сентября 1975 года скончалась, не приходя в сознание.

Прошло несколько месяцев. Дело было подготовлено в суд. Восьмого апреля вынесен приговор. Начинается он такими словами: «18—19 сентября 1975 года В. В. Гайдученко в своей квартире с целью умышленного лишения жизни своей престарелой матери Мусиенко Елизаветы Ивановны 1905 года рождения на почве неприязненных взаимоотношений с матерью, требующей повседневного ухода, как за постельно-больной... стала наносить множественные удары в жизненно важные центры, в том числе по телу и по голове руками, ногами, обутыми в туфли... Всего на теле Мусиенко обнаружен 61 кровоподтек. Кроме того, Мусиенко в результате ударов причинена закрытая черепно-мозговая травма с кровоизлиянием под твердую и мягкую мозговые оболочки обоих полушарий мозга с заходом под основание. Затем Гайдученко насильственно раскрыла рот Мусиенко и влила ей около 40 граммов нашатырного спирта, вызвала карету «Скорой помощи» и сообщила о том, что мать сама отравилась нашатырным спиртом. С указанными повреждениями Мусиенко в 13.30 минут каретой «Скорой помощи» доставлена в городскую больницу, где, не приходя в сознание, 23 сентября в 6 часов 30 минут скончалась».

Это — начало приговора. Далее идут выдержки из показаний свидетелей, выводы экспертизы, излагаются взаимоотношения матери и дочери. И последние строки: «Признать виновной Гайдученко Валентину Васильевну по статье 94 УК УССР (умышленное убийство) и подвергнуть по этому закону лишению свободы сроком на 10 лет, с содержанием в исправительно-трудовой колонии общего режима. Меру пресечения Гайдученко В. В. оставить содержание под стражей, меру наказания исчислять с 7 января 1976 года. Вещественные доказательства — две пары женских туфель — возвратить Гайдученко Анатолию Павловичу (мужу), два флакона с нашатырным спиртом уничтожить».

Для журналистки подобный приговор означал попросту конец всей предыдущей жизни. И кто знает, может быть, человек слабый, отсидев положенные десять лет, до конца жизни брюзжал бы о законе, который так похож на дышло. Валентину Гайдученко слабой не назовешь. Не единожды она выступала по самым злободневным вопросам, приходилось и давать объяснения, поскольку ее позиция не всегда совпадала с точкой зрения того или иного местного начальника. Во всяком случае, она хорошо знала, что означает выражение «вызов на ковер».

Попробуем взглянуть на известные нам вещи трезво и признаем для начала — чтобы совершить все описанное в приговоре, надо быть психически нездоровым человеком. Дочь до смерти избивает мать, топчет ее ногами, «обутыми в туфли», потом туфли эти снимает, надевает другие и продолжает свое злодейство. Помните упоминание в приговоре о двух парах туфель? Оказывается, обе были пущены в дело. Следователь установил это доподлинно, обнаружив на теле синяки различной конфигурации, которые не могли быть нанесены одними туфлями. В какой-то старой коробке он нашел давно не ношенные туфли, подходившие по форме к синякам, и приобщил их к делу. Далее дочь хватает нашатырный спирт и вливает его матери в рот. И тут же вызывает «Скорую помощь». Очевидно, для того, чтобы свидетели могли подтвердить ее преступление.

Странно все это, не правда ли? Но в деле есть документ, который подтверждает полное психическое здоровье Гайдученко. Более месяца психиатры присматривались к ней, испы-

тывали, задавали каверзные свои вопросы, пока не пришли к твердому убеждению: здорова.

Есть в деле показания врача Л. А. Лысковой и фельдшеров Б. В. Заборы и В. Г. Кmasневского. Они в один голос говорят, что никаких следов побоев на теле больной не видели, что увезли ее в ясном сознании, что она сама дала о себе сведения и подтвердила рассказ дочери о том, как все произошло. Вряд ли она смогла бы это все сделать, если бы над ней было совершено описанное насилие. Людмила Алексеевна Лыскова прослушивала больную как раз в том месте, где потом был обнаружен громадный кровоподтек размером с мужскую ладонь. Врач его не видела.

Эти самые первые и самые важные свидетели на судебном заседании открытым текстом подтвердили, что «бабушка сама отвечала на их вопросы о случившемся». Сопоставим время: Н. Ф. Чекалин утверждает, и судья Т. И. Кириченко с ним соглашается, что преступление совершено в 10 утра, а по документам больная доставлена в больницу в половине второго. Все это время она была в сознании. Как же понимать фразу из приговора о «черепно-мозговой травме с кровоизлиянием»?

Возникает еще один вопрос: как объяснить, что за четыре дня пребывания в больнице, в реанимационном отделении, никто не увидел ужасных кровоподтеков на теле больной?

Предусматривая подобные вопросы, следователь пытается ответить на них в деле. С совершенно серьезным видом он задает вопрос врачам:

— Могли вы нанести больной подобные травмы?

— Нет!— отвечают те.— Ни в коем случае.

И было бы странно услышать что-то другое.

Тогда эти травмы нанесла Гайдученко, делает вывод следователь.

— Вы помните, как старушка просила хлеба у прохожего?— спрашивает он у соседки.

— Помню, как же!— отвечает бабуся.— Было.

И следует новый вывод: дочь не кормила мать, измывалась над ней.

А мы по простоте и невежеству подумаем: если действительно отношения сложились тяжелые, что мешало Валентине Васильевне отправить мать в дом престарелых, под надзор врачей и в компанию таких же старушек? Тем более, что ей не единожды предлагали это сделать. И не надо преступлений, туфель, флаконов с нашатырем, все просто, средь бела дня и вполне пристойно. Что же мешало так поступить? Нет же, предпочла совершить смертоубийство.

Почти два года пробыла В. В. Гайдученко в заключении и ни на один день не прекращала доказывать свою невиновность. Областной суд оставляет приговор в силе. Жалоба в Верховный суд республики возвращается в областной и, как сказано в официальном ответе, «оставлена без удовлетворения», поскольку преступление доказано, а «мера наказания избрана с учетом характера и степени общественной опасности содеянного».

Суть других ответов из различных инстанций полностью вкладывалась в эти слова — «учитывая опасность содеянного». Можно себе представить, с каким нетерпением ожидался каждый ответ, сколько было волнений и надежд, как колотилось сердце человека, вскрывающего письмо, где, как ему казалось, таилось понимание, избавление. Этих писем скопился целый ящик письменного стола, и Валентина Васильевна помнит дату получения каждого, его содержание, кто подписал и в каком звании, при каких обстоятельствах вскрывала она эти письма, отпечатанные на бланках солидных юридических учреждений.

И наконец, первый проблеск. По жалобе, написанной мужем В. В. Гайдученко, Верховный суд Украины отменил приговор и направил дело на новое расследование. Основания — противоречивость показаний свидетелей, односторонность и неполнота следствия. Заместитель председателя Верховного суда УССР П. Г. Цупренко обращал внимание областного прокурора М. С. Оберемка на то, что ни один из медицинских работников «Скорой помощи» или больницы не видел на теле больной более трех кровоподтеков, и потому нет никаких оснований обвинять В. В. Гайдученко в нанесении шести десятков ударов. Больная могла упасть с лежака в машине? Не упрекая ни водителя, ни медиков, можно допустить такую возможность? А почему не исследовать допущение, что больная могла упасть с кровати в самой больнице? Необходимо заметить, что у Е. И. Мусиенко было заболевание, которое встречается у престарелых, ослабевших людей,— достаточно крепко взять ее за руку, чтобы на теле остался синяк. А она, как известно, последнее время часто теряла сознание, падала...

Получив такое нелицеприятное письмо, М. С. Оберемок пишет протест в пленум Верховного суда Украины. Не доверяют, дескать...

И вот уже первый заместитель прокурора УССР М. Т. Самаев вынужден направить М. С. Оберемку строгое послание: «Ваше представление по обвинению В. В. Гайдученко не поддерживаю. Изучение дела показало, что, помимо вопросов, указанных в определении Верховного суда УССР, имеются обстоятельства, которые также необходимо выяснить».

И первый заместитель прокурора республики, как говорится, по пунктам намечает работу следователю:

— Эксперты утверждают, что на сердце видны постинфарктные рубцы давностью не менее двух месяцев, обнаружен свежий очаг острого инфаркта давностью не более двух суток, то есть Е. И. Мусиенко перенесла инфаркт, но не лечилась, и даже диагноз такой не ставился. Еще один инфаркт она перенесла уже в больнице. Может быть, в этом причина смерти?

— По мнению судебно-медицинской экспертизы, кровоизлияние в мозг могло возникнуть при падении, от удара в область головы, лица, причем удар мог быть мягким, незначительной силы. Виновата ли в этом В. В. Гайдученко? Этот вопрос также не исследован.

— После наступления смерти в течение получаса проводились реанимационные меры, и в это время могли появиться и синяки и ссадины: врачи массируют сердце, делают искусственное дыхание, известны случаи, когда при этом даже ломаются ребра. Но реаниматоры не допрошены, их показания не заинтересовали следствие.

При таких обстоятельствах, пишет М. Т. Самаев, нет основания для принесения протеста в пленум Верховного суда УССР, и просит рассмотрение дела поручить опытному следователю, следствие взять под контроль, о результатах сообщить в прокуратуру республики.

В общем, через год приговор отменен и дело направлено на новое расследование... Н. Ф. Чекалину. Да, ему была великодушно предоставлена возможность устранить пробелы в собственном следствии. А через полтора месяца Н. Ф. Чекалин получает повышение, и одной из первых, кому он об этом с радостью сообщил, была Валентина Васильевна Гайдученко. Она не без оснований усмотрела в этом издевку и, учитывая качество первого следствия, пишет отвод Н. Ф. Чекалину. Ей в этом отказывают: нет, дескать, оснований. Своим новым постановлением в июле 1977 года Н. Ф. Чекалин привлекает В. В. Гайдученко к уголовной ответственности по той же статье 94 — умышленное убийство.

И все начинается сначала.

Однако вскоре Генеральная прокуратура СССР удовлетворила ходатайство об отводе Н. Ф. Чекалину, и дело было передано следователю Ю. Н. Дычко. Который и привлек Гайдученко все по той же статье, предусматривающей умышленное убийство. Снова суд. На этот раз Валентина Васильевна на основании тех же следственных данных осуждена по другой статье, за избиение без умысла лишить жизни. Приговор — три с половиной года лишения свободы.

Удивимся: неужели на основании одних и тех же обстоятельств, свидетельских показаний, экспертиз можно осудить человека и за умышленное убийство и за драку? Днепропетровские юристы явно оказались не в ладах ни с логикой, ни с законом. Получается вроде того, что сжалились. Валентина Васильевна отвергла подобную сделку с законом. Несмотря на то, что теперь она попала под действие амнистии и почти после двух лет заключения вышла на свободу, приговор этот не признала.

— Подобное освобождение для меня унизительно,— заявила она областному прокурору товарищу Оберемку Михаилу Семеновичу.

Проходит еще время, и вот уже в июле 1978 года Валентина Васильевна получает сообщение: судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда УССР по протесту заместителя прокурора республики этот освобождающий ее приговор отменила, а дело направила на новое расследование.

Опять Дычко.

Но следователь тоже человек. Юрий Никифорович крепко обиделся на Верховный суд республики за недоверие к себе и, не добавив в уголовное дело ни единой строчки, прекращает его по статье, предусматривающей недоказанность. О чем и выносит постановление, в котором подробно излагает обстоятельства дела, как они когда-то представились Николаю Филипповичу Чекалину, излагает доводы, которые вроде бы не должны ни у кого оставить сомнения в виновности В. В. Гайдученко. В заключение Юрий Никифорович с ноткой горечи добавляет, что, поскольку, дескать, прошло время и многие доказательства утеряны, он вынужден прекратить дело.

Это было в сентябре.

А в ноябре прокурор области Михаил Семенович Оберемок своей властью отменил постановление Ю. Н. Дычко как преждевременное и поручил провести новое расследование старшему следователю областной прокуратуры Станиславу Алексеевичу Лаптеву.

Поскольку «бойкот», объявленный Ю. Н. Дычко, оказался безрезультатным, С. А. Лаптев взялся за дело всерьез. Допросил людей, провел очные ставки, наметил уйму всевозможных следственных действий...

А потом дело вел тоже очень хороший и опытный следователь Николай Иванович Жицкий, неплохо взялся, во всяком случае, начав расследование в качестве следователя одного из районов города, он закончил его заместителем районного прокурора.

Растут люди, растут, и время идет, и наступил уже 1980 год, когда Николай Иванович вынес очередное постановление о прекращении уголовного дела. Следуя сложившейся традиции, он подробно изложил давние поиски и находки Н. Ф. Чекалина, посетовал на утерянные доказательства и заключил, что надо все-таки оправдать Валентину Васильевну, поскольку вину ее доказать он, к сожалению, не может.

Да, чтоб не забыть — был еще следователь по особо важным делам из городской прокуратуры товарищ С. Е. Вьюниченко, он тоже и возбуждал и прекращал дело, но поскольку новой струи в расследование не внес, описывать его деятельность не станем. Он тоже прекратил дело за недоказанностью.

А Валентина Васильевна? Живой все-таки человек, и, наверно, всему есть предел: и силам и вере в справедливость, она тоже может оказаться исчерпанной. Немногие оставшиеся друзья из самых лучших побуждений говорили ей: брось, уезжай из города, начинай новую жизнь и забудь, забудь, забудь. Но она остается. Без работы, без уверенности в будущем. Если человек на свободе только потому, что вина его недостаточно доказана, в глазах окружающих он остается преступником. И дело не в том, чтобы сбежать в другой город, где тебя не знают, не в том, чтобы сделать вид, будто не было у тебя в жизни этих пяти лет. Нет, это недостойный выход.

Убедившись, что все доводы республиканской прокуратуры и Верховного суда УССР вязнут в непробиваемой предубежденности земляков, Валентина Васильевна обращается в «Огонек», подробно описывает свои злоключения. Убийство матери — это нечто настолько чрезвычайное и в нашей жизни и вообще в жизни, что поверить в преступление было очень трудно, даже несмотря на отчаянные усилия нескольких следователей. Усомнившись в их выводах, редакция обратилась с письмом к Генеральному прокурору Союза ССР Александру Михайловичу Рекункову с просьбой поручить дело толковому человеку и расставить все точки по местам.

Вскоре прокурор главного следственного управления Прокуратуры СССР В. П. Тарасов сообщает В. В. Гайдученко и редакции о том, что «жалоба, поступившая из журнала «Огонек»,

направлена заместителю прокурора Украинской ССР тов. Скопенко С. Ф. с поручением проверить и сообщить вам и в Прокуратуру СССР о результатах проверки».

Наконец, дождались в Днепропетровской прокуратуре должной оценки их многотрудной деятельности на поприще правосудия. Дождались все-таки. В конце сентября 1981 года Михаил Семенович Оберемок, прокурор области, получил письмо, где все вещи названы своими именами. А письмо ему написал заместитель прокурора УССР С. Ф. Скопенко. Его стоит дать подробнее...

«Проверка дела в Прокуратуре УССР показала, что расследование проведено некачественно, дело неоднократно направлялось на новые расследования, допускалась волокита, дважды принимались необоснованные решения о прекращении дела при явной неполноте следствия, в результате чего дело до настоящего времени не нашло правильного разрешения. **По делу допущены грубые нарушения норм уголовно-процессуального законодательства и прямая фальсификация.** (Выделено мною.— **В. П.**) Заместитель прокурора Кировского района Н. И. Жицкий, принявший дело к своему производству в марте 1979 года, ограничился лишь тем, что вынес два постановления о продлении срока ведения следствия и назначил проверку двух экспертиз. Постановление о назначении дополнительной экспертизы составлено им спустя восемь месяцев после направления дела на дополнительное расследование и более года после того, как в определении суда указано на необходимость такой экспертизы. Срок ведения следствия истек в декабре 1979 года, а постановление о его продлении в деле отсутствует. С тех пор срок не продлевался, хотя постановление о прекращении дела вынесено только в феврале 1981 года. Таким образом, дополнительное расследование велось более двух лет, хотя в списках дел со сроками расследования свыше года, представляемых в прокуратуру УССР, это дело ни разу не указывалось. Ознакомление с материалами дела показало, что **не было достаточно оснований для задержания В. В. Гайдученко в качестве подозреваемой и привлечения ее к уголовной ответственности за убийство своей матери** (выделено мною.— **В. П.**), однако В. В. Гайдученко находилась под стражей 1 год 10 месяцев и 4 дня...»

А за окном уже шел 1982 год, шумело жаркое лето и тянулся седьмой год этой истории.

Наконец, в июне 1982 года прокурор следственного управления УССР Н. М. Матяш, рассмотрев материалы дела, прекратил его по статье 6 УК УССР — за отсутствием состава преступления. А через десять дней заместитель прокурора УССР С. Ф. Скопенко это постановление утвердил.

За восемь лет уголовное дело от нескольких страничек выросло до нескольких томов, но то, что было ясно следователю с самого начала, так и осталось недоказанным, хотя на протяжении этих лет подключались другие следователи, не менее старательные. Они начинали все сначала, вызывали многократно допрошенных свидетелей, сталкивали их на очных ставках, задавали экспертам хитроумные вопросы и с завидным упорством отстаивали первый тезис, изложенный Н. Ф. Чекалиным. Отстаивали, несмотря на то, что самые высокие юридические инстанции призывали их к разумной сдержанности, к трезвому взгляду на вещи, призывали соблюдать закон — он был нарушен в самом постановлении о возбуждении уголовного дела, поскольку виновным человека может признать только суд, а уж никак не следователь, тем более до начала самого следствия. Помните первое постановление о возбуждении уголовного дела? «В. В. Гайдученко нанесла множественные удары...» Для подобного утверждения у Н. Ф. Чекалина не было оснований тогда, не нашлось их и в последующие годы.

И вот разговор с Н. Ф. Чекалиным, совсем недавний. Он энергичен, бодр, перед ним новое многотомное дело. Поскольку мы оба достаточно знакомы с историей В. В. Гайдученко, задаю вопрос самый общий — как он относится ко всему происшедшему.

— Это кощунство!— не задумываясь, сказал Николай Филиппович.— Самое настоящее надругательство над нашими законами, над моралью и нравственностью!— Он встал, не в силах сдержать чувства.— В этом деле проявилось пренебрежение ко всем нормам социалистического образа жизни.

— То есть вы полагаете, что...

— Да! Гайдученко — убийца и должна сидеть там, где ей положено.

Прокурор области М. С. Оберемок высказывается в том же духе.

— Мы считаем, что Гайдученко виновна в предъявленном ей обвинении. Все те решения, которые приняты в Киеве... Мы с ними не согласны. Прислали бумагу, ну что ж, пришлось подчиниться...

— Но материалы дела...

— Материалы дела позволяют толковать события и так и этак.

— Но если у обвинения не сходятся концы с концами, если столько следователей...

— Гайдученко — очень нехороший человек.— Михаил Семенович осуждающе покачал головой.—Независимо от того, виновна в убийстве своей матери или невиновна, показала она себя с плохой стороны. Разговаривать с ней тяжело. Уверен, что ей нельзя работать журналистом, какой из нее журналист...

Что же думает сама Валентина Васильевна?

— Не считаю дело законченным,— говорит она.— Если доказано, что я не совершала убийства, а экспертиза утверждает, что убийство было, мне бы хотелось знать, кто его совершил. Я бы не возражала против того, чтобы мне возместили убытки и моральные и материальные в полном соответствии с действующим законодательством. И потом, Уголовный кодекс Украины предусматривает ответственность следователя за служебные преступления. Как говорится, учитывая тяжесть содеянного... Заместитель прокурора республики С. Ф. Скопенко в своем письме прямо говорит о фальсификации. Но самое большое мое желание — это забыть слова прокурора, пообещавшего добиться, чтобы «земля горела под моими ногами, чтобы люди показывали на меня пальцами». Мне хочется забыть слова о том, что я слишком высоко взлетела, надо бы меня маленько поопустить.

— А что с работой?

— До ареста я работала в республиканском журнале «Наука и общество». Редактор сказал мне, что не возражает против дальнейшего сотрудничества, если получит официальный документ о моей невиновности. А пока я восстановлена в партии, сохранен стаж, на очереди — Союз журналистов.

Звоним в Киев, главному редактору журнала «Наука и общество» Юрию Григорьевичу Романюку.

— Гайдученко? Прекрасный журналист с высоким чувством ответственности, настоящий мастер своего дела. Все материалы, которые она подготовила, отличаются грамотностью, глубоким проникновением в существо темы. Буду рад, если наше сотрудничество возобновится. Да, от прокурора Днепропетровской области Оберемка мы получили письмо. Знаете, я бы не назвал его доброжелательным. Хотя в нем и названа статья, по которой с Валентины Васильевны снято обвинение, тон письма словно предостерегает, чтобы мы не слишком доверяли его содержанию...

Итак, что же произошло?

Затянувшаяся судебная ошибка с грубыми нарушениями законодательства, как выразился заместитель прокурора Украины. С точки зрения юристов, определение достаточно жесткое. Но не менее важно и житейское толкование происшедшего с точки зрения наших ежедневных забот и интересов. Для всех нас важно качество общественной жизни, грамотность отношений гражданина с учреждениями первой необходимости, к каковым относятся и суд и прокуратура.

Каждый из нас должен быть непоколебимо уверен — что бы ни произошло, какие бы неприятности, неожиданности, обстоятельства ни подстерегли нас, в любом случае с нами поступят справедливо. Отсутствие такой уверенности не только омрачает внутренний мир человека, но и искажает отношения гражданина и государства. А это куда важнее, нежели ублажить самолюбие того или иного служителя правосудия, с непомерным упрямством отстаивающего честь мундира.

Какая уж тут честь...

Честь — это нечто совершенно иное.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

БУКВА «Н», А СБОКУ — БАНТИК

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА СССР ПО ЦЕНАМ Л. А. АЙВАЗОВ СООБЩАЕТ,

что Госкомцен на своем заседании рассмотрел статью К. Барыкина «Буква «Н», а сбоку — бантик» («Огонек» № 33, 1983) и отмечает, что автор правильно затрагивает ряд вопросов, связанных с производством и реализацией товаров улучшенного качества (товаров-«новинок» или товаров с индексом «Н»).

Комитет поручил соответствующим отделам ускорить переработку «Инструкции о временных ценах на новые товары улучшенного качества», которой, в частности, будут предусмотрены дополнительные меры, обеспечивающие бо́льшую обоснованность цен, устанавливаемых на товары улучшенного качества.

...Тут мы отступим от той последовательности, которой придерживается автор письма, и приведем факты, которыми он завершает свое письмо. «В результате проверок органами ценообразования за год были досрочно отменены временные цены на ткани, трикотажные изделия, на обувь. Индекс «Н» с них был снят. Суммы, которые предприятия получили (может, даже успели поделить среди бракоделов?— Ред.) за выпуск изделий, незаконно отнесенных в ряд новых, были изъяты. В первом полугодии нынешнего года таким санкциям подвергнуты товары 173 артикулов».

Госкомитет по ценам предполагает, как сообщает нам Л. А. Айвазов, что временная инструкция и другая проводимая работа повысят заинтересованность промышленных предприятий в быстрейшем обновлении продукции. Совершенствуется также весьма непростая процедура (сейчас она изрядно запутана, инструкции позволяют отнести к новинкам такие товары, которые известны рынку много лет), по которой решают, можно ли отнести новые изделия к разряду товаров улучшенного качества. Эта работа идет при консультации и с рассмотрением соответствующих предложений торговли, легкой промышленности, других министерств и ведомств. «Будет изучено и предложение автора статьи в «Огоньке» о сроке реализации товаров с индексом «Н»,— пишет в редакцию заместитель председателя Госкомцен СССР. И отмечает, что статья правильно обращает внимание на либерализм, который подчас проявляется художественно-техническими советами и комиссиями, зачисляющими в ряд новинок вещи, не заслуживающие этого. Теперь работникам торговли предоставлено право «вето», и, если на прилавке оказалась псевдоновинка, значит, и торговля закрыла глаза на непорядки, значит, винить надо не только промышленность, но и ее, торговлю — и министерство, и оптовые базы, и магазины.

Будет усилен контроль за правильностью применения временных розничных цен на новые товары улучшенного качества, а также за тем, чтобы новинки соответствовали требованиям нормативно-технической документации и не отличались, как бывает, в худшую сторону от образцов-эталонов.

«В целях повышения обоснованности размеров временных розничных цен на новые товары улучшенного качества — в зависимости от новизны, оригинальности исполнения, особенностей отделки изделий, их художественного оформления, новых потребительских свойств, технического уровня товаров, надежности, сроков гарантии — Госкомцен СССР по согласованию с Минторгом СССР, Минлегпромом СССР и Минфином СССР утвердил «Методические указания по дифференциации временных цен и надбавок на товары улучшенного качества». Этим документом, указывается в письме, и надлежит отныне руководствоваться при определении рекомендуемых размеров надбавок. Временные цены устанавливаются на срок до полутора лет. Он может быть продлен только в том случае, если эти товары продолжают пользоваться повышенным спросом...

Как видим, Госкомцен СССР высказался достаточно четко по вопросам, затронутым в публикации «Огонька». Но решение проблемы зависит не только от позиции, занятой этим комитетом. В письме Л. А. Айвазова названы и Министерство торговли СССР и промышленные министерства. Читателям интересно узнать точку зрения этих ведомств по существу вопроса.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ПЛАТОН ОЙУНСКИЙ

Платон Ойунский... Подхваченное бурей Великого Октября, зазвучало это славное имя на необъятных просторах Якутии. Звучало имя писателя, отважного воина социалистической революции, несгибаемого борца против угнетателей и верного друга угнетенных. Злобной враждой проникались к нему богачи, а трудящиеся — братской любовью. Люди моего поколения с детства слышали прекрасные народные рассказы и песни об Ойунском.

В 1921 году четырнадцатилетним подростком увидел я его в Татте на митинге. И до сих пор стоит он перед моими глазами, радостно возбужденный, говорящий восторженно притихшему народу:

— На многотрудной материземле, на ее неоглядно широком просторе живет наше человеческое племя. Оно раскололось на два непримиримо враждебных лагеря — бедных и богатых. Мы живем, дорогие товарищи, в такое время, когда эти два непримиримых врага схватились за горло в смертельном бою: кто кого!

Нет, это был не сторонний наблюдатель, не спокойный повествователь той великой битвы. Преданнейший коммунист, народный заступник, активный участник победоносных боев трудового класса, он с искренним волнением и страстью призывал людей к борьбе против врагов Советской власти, за великое дело Ленина.

Настоящий большевик-ленинец, выдающийся партийный пропагандист, П. А. Ойунский был замечательным человеком, человеком безупречной душевной чистоты.

Талантливый поэт, заложивший фундамент якутской советской литературы, он никогда и ничем не выделял себя из среды якутских писателей, ни на кого из нас не смотрел свысока. Он верил в то, что творческий труд, не удавшийся сегодня, может удаться завтра, что слабые ныне силы будут крепнуть и расти в будущем,— лишь бы писатель обладал творческими способностями, идейным и нравственным здоровьем. И он, как верный старший товарищ, воспитывал, советовал и помогал молодежи.

В творчестве Ойунского четко отражены все основные этапы нашей истории. В бурные дни Великой Октябрьской социалистической революции он пишет «Песню свободы», «Власть — Советам!», «Рабочую песню»; в гражданскую войну в Якутии — «Господин генерал», «Харачаас», «Заветы орла»; в скорбные дни кончины великого Ленина — «На смерть вождя», «Клятва». Создание первых колхозов вызвало к жизни «Песнь о прекрасном грядущем», «Из тины», «Славьте артели»; в пору индустриализации Советской страны — «Марш ударников», «Марш стахановцев», «В стране прекрасной, раздольной...».

Разумеется, значение и роль писателя определяются не только тем, о чем он пишет. Нередко ведь неглубокими и неумелыми писаниями о сиюминутном насущном пытаются прикрыть свою творческую немощь. П. А. Ойунский не только правильно понимал вопросы, на которых сосредоточиваются внимание и силы народа, но и умел высокохудожественно решать их, так, чтобы это западало в души и сердца людей, придавало им силы, звало на борьбу и созидание. Он был настоящим художником, с душой страстной, неравнодушной.

До сего дня нет еще в якутской литературе писателя, который бы приближался к П. А. Ойунскому по литературному мастерству, не говоря уже о масштабе общественно-политической и научной его деятельности. Среди нас, работавших в литературе вместе с ним, он выглядел могучим древом, ласково распростершим свои раскидистые ветви над десятком неокрепших, молодых лиственниц. Он любил читать нам свои новые произведения, внимательно выслушивал советы, с охотой принимал наши замечания, когда они оказывались дельными.

Настоящий большевик-ленинец, выдающийся партийный пропагандист и замечательный человек, П. А. Ойунский упорным трудом беспрестанно развивал и совершенствовал свой блистательный природный талант.

П. А. Ойунский — один из первых якутских коммунистов, председатель Якутского губревкома с первых дней Советской власти в Якутии, председатель ЦИК Якутии, депутат Верховного Совета СССР первого созыва, первый председатель правления Союза писателей Якутии, общественный и политический деятель, беззаветно преданный великому ленинскому делу, писатель с выдающимся дарованием. С годами будут все более и более крепнуть наше уважение и любовь к его героической жизни и вдохновенному творчеству. Потому и чествуем мы П. А. Ойунского, ушедшего от нас десятилетия назад, как нашего сегодняшнего соратника, отважного бойца и талантливого поэта-коммуниста.

Николай МОРДИНОВ,
народный писатель Якутской АССР

ГОРДОЕ ИМЯ — «РОССИЯ»

ПРИСВОЕНО НОВОМУ СОВЕТСКОМУ АТОМОХОДУ

Столь ненастной, штормовой осени не было в Ленинграде уже много лет. Родившиеся где-то в далекой Атлантике циклоны один за другим яростно накатывают на город, принося с собой дожди, снег, препятствуя нормальному течению Невы, несколько раз подряд (!) выходившей из берегов. Этот неожиданный натиск стихии — первый в биографии нового атомохода «Россия», только что спущенного на воду корабелами Балтийского судостроительного завода имени Серго Орджоникидзе.

Четвертый советский атомоход сооружается рекордными сравнительно с предшественниками темпами, и высокий смысл этой ударной работы особенно явствен сейчас, когда вся страна, волнуясь, следит за небывалым сражением, развернувшимся у берегов Чукотки. Наступление льдов, справляться с которым не всегда могли даже такие могучие ледоколы, как «Ермак», «Адмирал Макаров», еще раз подтвердило: будущее Северного морского пути за атомоходами.

Внешне атомоход «Россия» похож на своих предшественников. Те же взметнувшиеся ввысь восемь этажей прочнейшей стали, свыше тысячи помещений, в которых разместится все необходимое — от спортзала, плавательного бассейна до ядерной установки, способной, к примеру, обеспечить электроэнергией солидный промышленный центр.

Но немало и перемен: более совершенной стала навигационная аппаратура, ряд новых устройств позволил улучшить ледопроходимость. Объем работ увеличился, а строится судно, как уже отмечалось, значительно быстрее. Сказываются опыт, накопленный коллективом балтийцев, мастерство его признанных лидеров — судосборщиков, возглавляемых В. И. Петуховым, А. П. Потаповым, В. В. Орловым.

гости «огонька»

Василис Филиас и Николаос Фотиадис в редакции журнала «Огонек».

И СНОВА ДАСАЕВ!

Закончился очередной футбольный сезон, и появился 22-й обладатель кубка «Огонька», который каждый год вручается лучшему вратарю...

Первым обладателем кубка был Лев Яшин, который впоследствии стал трехкратным обладателем огоньковского приза. Вслед за ним нашими лауреатами становились такие известные стражи ворот, как В. Маслаченко, Е. Рудаков (трижды), В. Банников, А. Кавазашвили (дважды), А. Прохоров (дважды), С. Котрикадзе, Ю. Пшеничников, В. Пильгуй, В. Астаповский, Ю. Дегтярев, О. Габелия, В. Чанов.

Вратарь «Спартака» с 1977 года, а затем и вратарь сборной СССР с 1979 года, Ринат Да-

Фото А. БОЧИНИНА

Ура! Трудовая победа!

...Как водится, разбила традиционную бутылку шампанского «крестная мать» судна, электросварщица Римма Викторовна Иванова. Яркими всполохами огней отсалютовали новорожденному лучшие газорезчики Л. Ф. Базылик и А. В. Степанов, которым была доверена честь разрезать задержник.

И тут же вновь двинулись краны, свои знакомые места заняла бригада судосборщиков А. П. Потапова. На большие деревянные бруски реконструированного стапеля аккуратно улеглась первая секция уже нового, сверхмощного атомного ледокола. Главный строитель А. И. Поляков показал золотистого цвета табличку, на одной стороне которой выгравирована дата, когда был заложен атомоход, на другой — слова, определяющие рабочую судьбу нового корабля: «Для обеспечения круглогодичной навигации в западной части Северного морского пути и своевременной доставки грузов в районы Крайнего Севера и Дальнего Востока».

О. ПЕТРИЧЕНКО
Фото Ю. ЩЕННИКОВА

По приглашению Советского комитета солидарности стран Азии и Африки в Москве находились руководители авторитетной общественной организации Греции — Комитета международной демократической солидарности Василис Филиас и Николаос Фотиадис. На днях они побывали в редакции нашего журнала.

Греческий народ на собственном опыте познал невыносимые тяготы диктатуры и произвола, противных самому существу человеческой личности. Поэтому-то сейчас греческая общественность активно участвует в борьбе за мир и безопасность народов, за единство антиимпериалистических сил. Греческий комитет международной демократической солидарности, который возглавляют наши гости, мобилизует своих соотечественников на поддержку справедливого дела народов Никарагуа и Сальвадора, Гренады и Чили. В тяжелое время израильской агрессии против ливанского и палестинского народов греческий комитет солидарности стал инициатором сбора средств для поддержки борьбы патриотов, помог организации в своей стране ряда международных мероприятий, в ходе которых была вскрыта суть агрессивных устремлений Израиля и его империалистических покровителей.

Об этих и многих других примерах солидарности греческого народа с борьбой угнетенных народов рассказали гости редакции. Председатель комитета Василис Филиас, являющийся проректором Высшей школы политических наук Греции и политическим обозревателем ряда газет, отметил, что визит их делегации в СССР проходил в дни самого большого праздника советских людей — в дни годовщины Великого Октября. «Между греческим и советским народами,— сказал он,— существуют глубочайшие связи, причем не только исторические. Сейчас, например, мы видим замечательное совпадение во взглядах на борьбу за мир, против опасности ядерной войны.

Нас всех очень радует то, что советские люди всегда поддерживали и поддерживают борьбу других народов за свою свободу. Народ Греции испытал много трудностей и принес много жертв в борьбе за подлинное освобождение. Сейчас, разворачивая все шире антивоенное движение, борьбу за мир и безопасность, мы хотим быть достойными продолжателями дела лучших сынов нашего народа.

Хотелось бы пожелать читателям вашего журнала новых успехов в важнейшем сейчас деле — деле борьбы за всеобщий мир».

Н. ЩЕРБАКОВ

саев свой первый огоньковский кубок получил в 1980 году, а затем был признан лучшим вратарем и в 1982 году. И вот снова Дасаев. Теперь в его коллекции три кубка!

Ринат Дасаев прекрасно провел трудный сезон. 34 раза он занимал место в воротах своей команды в играх на первенство СССР и пропустил меньше мячей, чем другие вратари,— всего 25. Он успешно участвовал в девяти официальных матчах сборной СССР и в четырех матчах европейских кубковых турниров.

26-летний страж ворот «Спартака» и сборной СССР Ринат Дасаев, как всегда, в хорошей спортивной форме. Пожелаем же ему новых успехов!

ПОСТИЖЕНИЕ ГЕРОИКИ

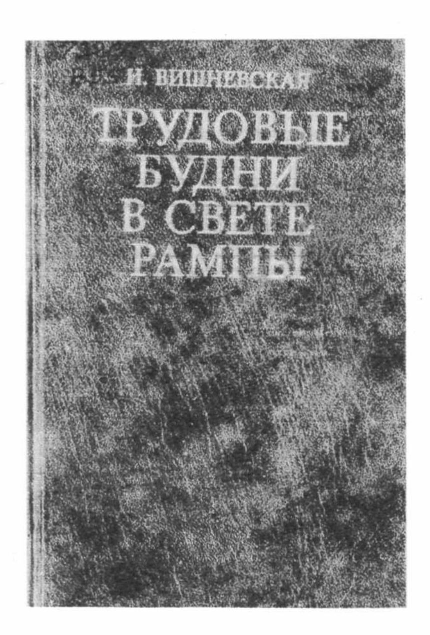
Доктор искусствоведения, литературный и театральный критик Инна Вишневская постоянно и увлеченно пишет о проблемах драматургии и театра.

«Трудовые будни в свете рампы» — ее итоговая работа, посвященная изображению положительного героя в драматургической литературе на производственную тему. Это поистине новаторское исследование важнейших аспектов пьес и спектаклей семидесятых годов сразу же после выхода из печати привлекло внимание театральной общественности и широких кругов читателей.

Достоинство книги И. Л. Вишневской — последовательный историзм: в ней убедительно прослежена преемственная связь современных пьес о труде с произведениями 20 — 30-х годов, военных и первых послевоенных лет (М. Горький, Ф. Гладков, Л. Леонов, Н. Погодин, А. Афиногенов, А. Крон, А. Арбузов, Г. Николаева и др.), а также с традициями мировой драмы. Вместе с тем автор подчеркивает, что новые общественные условия, новые конфликты, связанные с научно-техническим прогрессом, новый материал действительности не могли не определить и новые формы сценического искусства. И главное — появился новый герой, герой эпохи зрелого, развитого социализма.

«Комплексное воспитание личности, формирование ее единого нравственного и трудового облика,— справедливо пишет И. Вишневская,— это и есть новое интегрирование сложнейших задач, поставленных временем перед искусством».

В центре исследования И. Вишневской находятся «деловые» пьесы И. Дворецкого («Человек со стороны»), Г. Бокарева («Сталевары»), А. Гельмана («Премия», «Обратная связь», «Мы, нижеподписавшиеся...»), В. Розова («Ситуация», «Четыре капли»), А. Салынского («Мария»), М. Шатрова («Погода на завтра»), А. Гребнева («Из жизни деловой женщины»).

С большим критическим мастерством автор рассматривает образную систему этих произведений и одновременно органически соединяет анализ конкретных художественных реалий с теоретическими наблюдениями над общим литературно-театральным процессом, оценивая его настоящее и прозревая будущее.

Проницательность И. Вишневской, верное понимание ею задач драматургии сказались прежде всего в том, что она решительно и с полемической остротой отвергает бытующие еще, к сожалению, ложные «теории», противопоставляющие человеку-труженику его «дело», многогранному характеру строителя коммунизма — голую практику, экономические проблемы как таковые.

Можно спорить по поводу тех или иных отдельных суждений автора. Скажем, И. Вишневская полагает, что на сцене нужно показывать и производственную обстановку, в то время как драматурги В. Розов и Г. Бокарев не видят необходимости в этом, для них главное — накал конфликта, нравственные и общественные проблемы, а где происходит действие — не так уж важно. Что ж, в каждом мнении есть свой резон. Но непреложно одно: книга «Трудовые будни в свете рампы», во многом полемичная, расширяет наши представления о процессе развития современной драматургии.

А. ВЛАСЕНКО,
кандидат филологических наук

И. Вишневская. Трудовые будни в свете рампы. М., «Искусство», 1982, 157 стр.

Юмор

ПРАВИЛА ХОРОШЕГО ТОНА ЗА СТОЛОМ /СЛУЖЕБНЫМ/

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

Не опаздывайте к столу.

Не ставьте ноги на стол.

Не оборачивайтесь к собеседнику спиной.

Поддерживайте разговор справа и слева.

Не скупитесь на комплименты женщинам.

САТИРИЧЕСКИЕ СТРОКИ

Б. КОЗЛОВ

ЗАВИДУЙТЕ

Дом наш далеко не новый
Но на зависть образцовый.
Безотказны лифт и свет,
И чужих в подъездах нет.
В туалетах безупречно,
Есть вода любая вечно.
Чуть лишь трубы подтекут,
А сантехник тут как тут.
Нет пристрастий к радиоле,
Ночью тихо, словно в поле,
В общем, жизни нету краше.
Не житье, а мед.
Потому что в доме нашем
Кляузник живет.

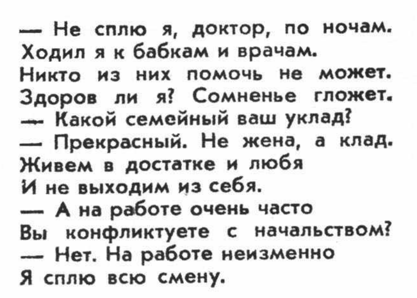
ЧУДО-КЛУБ

Эстрада есть, трибуна есть,
А в зале много столиков.
Пять лет назад открыли здесь
Клуб бывших алкоголиков.
Все заявили: «Есть резон»,—
И бывшим на утеху
Здесь пели Трошин и Кобзон,
Заказывали Пьеху.
Сюда для подкрепленья сил
Ходили в зиму, в осень —
Кто двадцать лет безбожно пил
И двадцать дней как бросил.
К услугам лыжи и коньки,
Вниманье теле, прессы,
И лекции, и «огоньки»,
Кружки по интересам.
Когда ж кончались холода,
Гуляли все под парусом.
Чтоб быть мобильными всегда,
Обзавелись «Икарусом».
Глядеть на горы, города
И на святые лики,
В Домбай катались иногда,
В Кижи, в Ростов Великий...
К чему веду я речь свою,
Нетрудно догадаться:
Поскольку я совсем не пью,
Мне некуда податься.
А если б в жизни тоже пил
Упорно и запойно,
С великой радостью ходил
Я б в этот клуб достойно.

ДИАЛОГ С ПСИХИАТРОМ

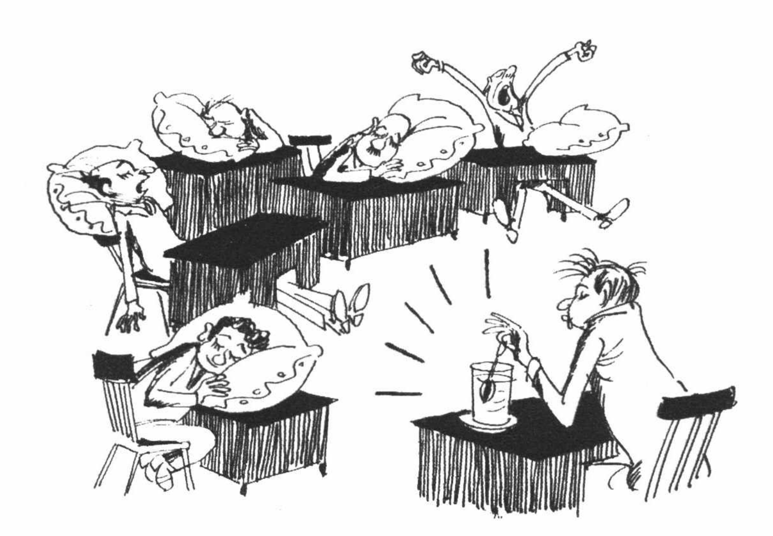
— Не сплю я, доктор, по ночам.
Ходил я к бабкам и врачам.
Никто из них помочь не может.
Здоров ли я? Сомненье гложет.
— Какой семейный ваш уклад?
— Прекрасный. Не жена, а клад.
Живем в достатке и любя
И не выходим из себя.
— А на работе очень часто
Вы конфликтуете с начальством?
— Нет. На работе неизменно
Я сплю всю смену.

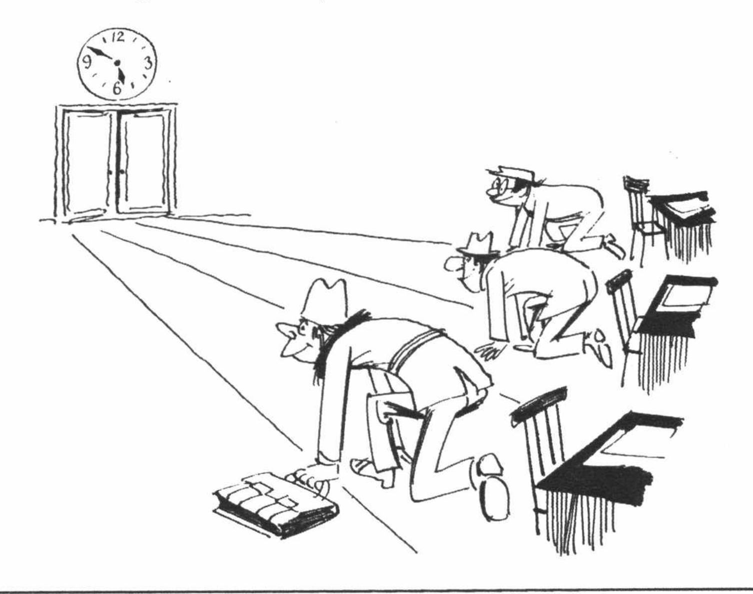
НОВЫЕ ШЛЯПЫ

Нет, это не шляпы, а новая модель прически, которую предлагает своим клиентам дюссельдорфский парикмахер Фигаро Марсель. Для этой прически необходимо иметь длину волос не менее метра и, конечно, запас терпения (не только чтобы отсидеть несколько часов в парикмахерской, но чтобы «владеть» такой прической днем и особенно ночью).

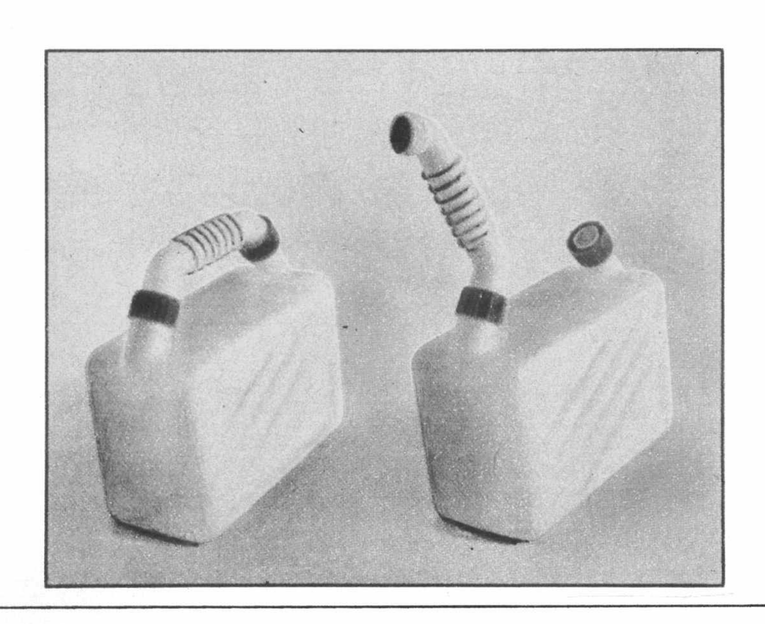
Не звякайте чайной ложечкой.

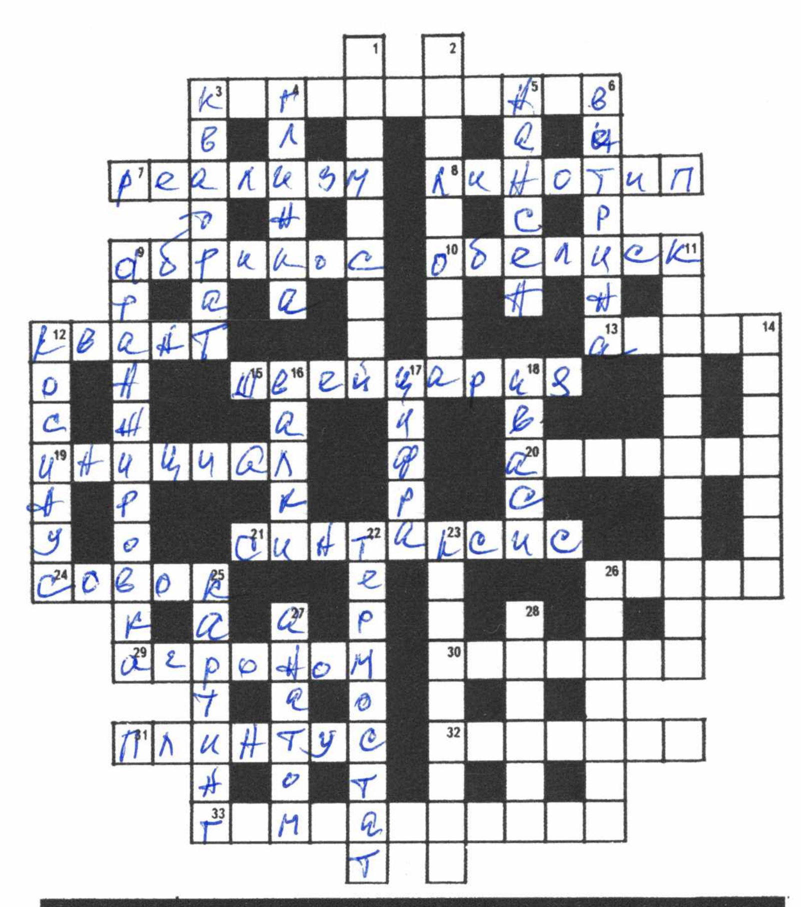
Не выходите из-за стола рано...

канистра-непроливашка

Казалось бы, как можно усовершенствовать такое нехитрое приспособление, как автомобильная канистра? Оказывается, можно. Каждый, кто имел с ней дело, знает на своем опыте, что, как осторожно ни обращайся, все равно перепачкаешь руки бензином. Но если канистру сделать наподобие кофейника с прямой ручкой (джезве), она не будет подтекать в любом случае. К тому же пустотелая ручка, она же «горлышко», через которое льется бензин, служит декомпрессорной камерой, поэтому при сильной жаре выделяющиеся газы заполняют ее, и канистра не раздувается.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Народный поэт Калмыкии. 7. Правдивое, объективное отображение действительности в искусстве. 8. Наборная буквоотливная машина. 9. Южное фруктовое дерево. 10. Мемориальное сооружение в виде граненого столба. 12. Научно-популярный журнал для старшеклассников. 13. Город в Нидерландах. 15. Государство в Центральной Европе. 19. Начальная буква имени, отчества, фамилии. 20. Домашнее парнокопытное животное, разводимое в Перу и Боливии. 21. Раздел грамматики. 24. Небольшая лопатка с короткой ручкой. 26. Французский живописец. 29. Специалист в сельском хозяйстве. 30. Рассказ М. Горького. 31. Планка между стеной и полом. 32. Действующее лицо балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро». 33. Грузинский советский писатель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Поэма М. Карима. 2. Способ обработки металлов давлением. 3. Прямоугольник с равными сторонами. 4. Композитор, основоположник русской классической музыки. 5. Норвежский исследователь Арктики. 6. Место в магазине для показа товаров. 9. Переложение музыкального произведения для исполнения на другом инструменте. 11. Духовой инструмент. 12. Тригонометрическая функция. 14. Рупор для усиления звучания голоса. 16. Город в Харьковской области. 17. Знак, обозначающий число. 18. Дальневосточная промысловая рыба. 22. Прибор для поддержания постоянной температуры. 23. Горная система в Центральной Азии. 25. Спортивные гонки на микроавтомобилях. 26. Болгарский смычковый инструмент. 27. Специалист по изучению строения организма. 28. Промежуток времени.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Премьера. 6. Серенада. 9. Стратиграфия. 13. Артист. 15. Огарков. 16. Мексика. 17. Яссы. 18. Державин. 19. Нитрагин. 20. Маяк. 22. Гамбург. 23. Елецкий. 24. Кошара. 25. Гидролокация. 26. Столетов. 28. Тригорин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Эпос. 2. Территория. 3. «Декабристы». 4. Гага. 7. Стихотворение. 8. Диалектология. 10. Дирижабль. 11. Дистанция. 12. Агреман. 14. Актиний. 20. Многоточие. 21. Карикатура. 26. Сеть. 27. Винт.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Волгоградский осетровый рыборазводный завод. Один из семи на Нижней Волге, он специализируется на разведении мальков осетровых пород. Ежегодно завод выпускает в реку по 8—9 миллионов мальков белуги и севрюги. На снимке: рыбоводы Александр Шляпин (слева) и Сергей Моргунов осматривают севрюгу. Фото Э. Котлякова (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Искусство аранжировки цветов. Так называлась выставка в Ботаническом саду Академии наук СССР * Ариша. Фото И. Туннеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 28.10.83. Подписано к печати 15.11.83. А 00747. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2686. Заказ № 1568.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЗНАКОМЬТЕСЬ:

ФОТО В. КОРЕШКОВА

Встреча.

Интервью на улице.

Сегодня «Огонек» публикует работы вильнюсского фотожурналиста, члена Общества фотоискусства Литовской ССР Валерия Корешкова. За спиной у фотомастера почти четверть века профессионального служения фотографии. Он участник более чем двухсот международных выставок, обладатель полусотни различных наград, среди которых почетное место занимает медаль одного из самых престижных журналистских конкурсов, «Уорлдпрессфото». А рядом с этой медалью в его коллекции призы международных салонов художественной фотографии.

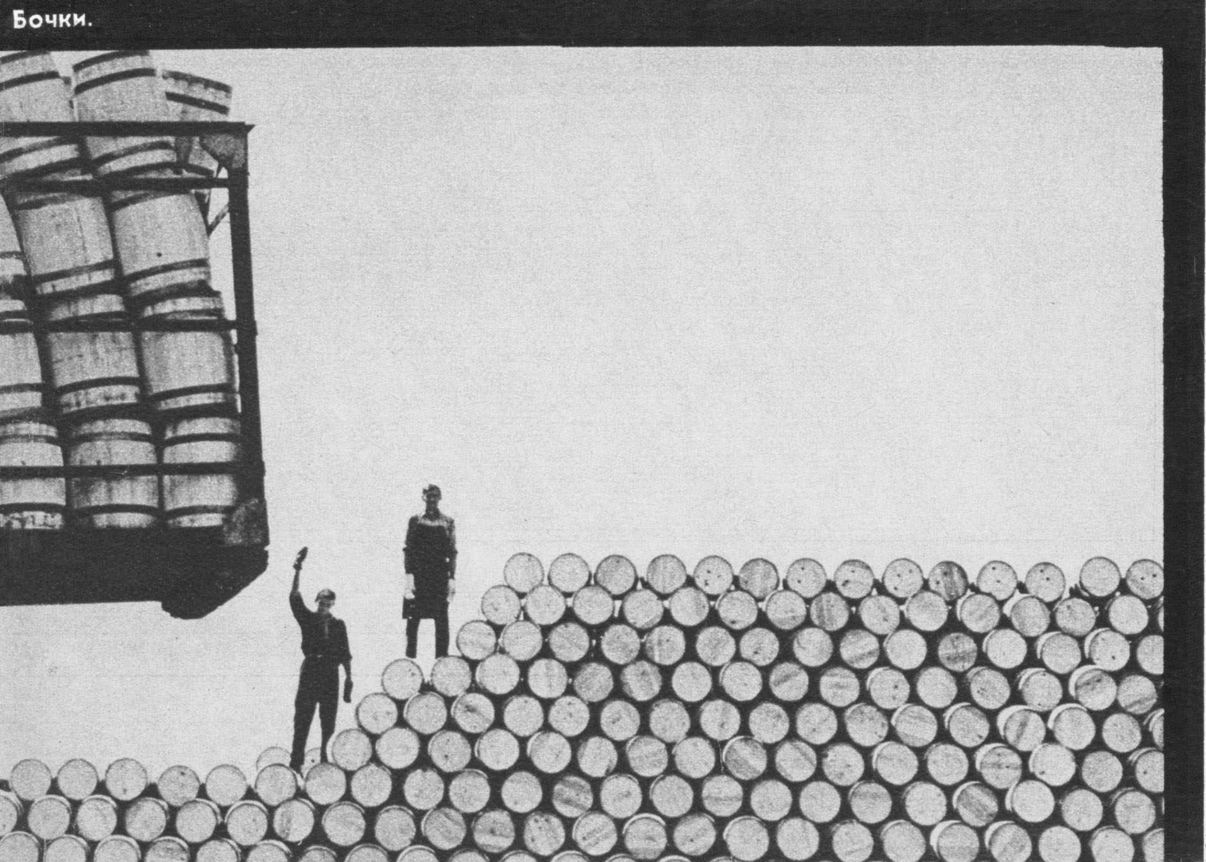
Валерий Корешков говорит, что с равным интересом снимает все: от событийного репортажа до пейзажа, что любимой темы у него нет, а главный залог успеха съемки — влюбиться в своего героя. Это подтверждают и публикуемые нами снимки, снимки доброго и наблюдательного человека.

Дирижер и хор.

Невеста.

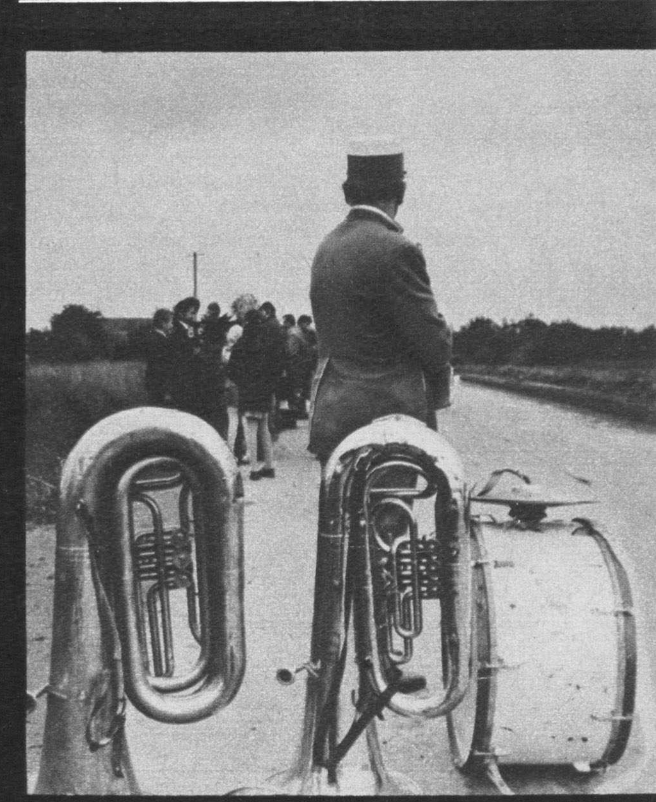

Бочки.

Когда не хватает витаминов.

Ожидание.

Доверие.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

